

Арина Теплова

ИНОСТРАНКА

18+

Арина Теплова Иностранка

Серия «Талисманы судьбы», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62245158

SelfPub; 2024

Аннотация

Эксклюзивно. Только на ЛитРес. 1789 год. Российская империя. Машенька Озерова, придворная дама и фрейлина Екатерины II. Став игрушкой в руках заговорщиков, она оказывается замешана в покушении на императрицу и попадает в Петропавловскую крепость. Ее возлюбленный Григорий Чемесов отрекается от нее. А комендант крепости обещает избавить девушку от чудовищной казни в обмен на ее прелести. Юная Маша, беременная и испуганная решает на скверный поступок, желая спасти себя и своих близких от смерти... Каждая книга в серии "Талисманы судьбы" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

Содержание

ПРОЛОГ. Предсказание	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Под страхом смерти	14
Глава I. Пирожные	15
Глава II. Фрейлина	32
Глава III. Кровавый платок	64
Глава IV. Петропавловская крепость	98
Глава V. Арестанты	126
Глава VI. Цыганка	153
Глава VI. Кондитер	181
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Арина Теплова

Иностранка

Искренняя горячая любовь человека, который возвышает и боготворит тебя, может залечить душевные раны и заставить позабыть все потери, которые некогда обрушила на твою жизнь судьба.

Я устала от боли и злобы,

Я устала от фальши и лжи,

Я устала быть той, кто не может

Путь пройти свой до самой зари.

Я устала, что люди не слышат,

Не хотят понимать слов моих.

Я устала, что люди не видят,

Как сгорает душа без любви.

И оставшись в плену у сомнений,

Что терзают меня изнутри.

Я хочу лишь на миг оглянуться

В мир надежды, что в мыслях моих.

стихи неизвестного автора

ПРОЛОГ. Предсказание

Российская империя, Санкт-Петербург,
Немецкая слобода, 1780 год

Бледная желтая луна освещала мрачные извилистые улицы. Духота жаркой июльской ночи наполняла своими пряными ароматами спящие кварталы. Шумный город как будто вымер, и на темных мостовых не было ни души. Однако в одном из узких безлюдных проулков, вымощенных звонкими булыжниками, передвигалась невысокая худощавая фигура. Длинный темный плащ с капюшоном, полностью скрывающий лицо женщины, создавал впечатление, что по дороге летит призрак, бесшумно и легко перемещаясь меж спящих домов. Незнакомка шла довольно быстро, петляя кривыми грязными проулками. Вскоре показалась заветная улица, и женщина, то и дело оглядываясь, прибавила шаг. Стремительно преодолев пространство до обшарпанного и мрачного дома, стоящего в отдалении от других жилых построек, она нетерпеливо постучала железным кольцом в дубовую дверь. Едва знакомка опустила руку, а бряцанье железного кольца утонуло в тишине улицы, тяжелая створка отворилась. Женщина юркнула в дверной проем и вошла в небольшой темный коридор. Никого не было видно. Кто открыл дверь, было неясно, и женщина, опешив, задрожала от хо-

лодного, как лед, озноба. Раздался звук закрывающейся двери, и дама испуганно оглянулась. Створка странным образом затворилась сама. От охватившего страха инстинктивно сжав пальцами край бархатной накидки, женщина задрожала сильнее. Она вновь повернулась к темному коридору и увидела впереди свет открытой двери. Быстро преодолев узкий коридор, незнакомка вошла в небольшую комнату. Несколько свечей окутывали дрожащим маревом грязное, пыльное помещение, и женщина сильнее прижала надушенный платочек к носу, ощутив запах гнили.

– Прошу, госпожа, пройдите, – раздался сбоку от нее скрежещущий голос.

– Ах, ты здесь, Мартина, – облегченно вздохнув, произнесла женщина и скинула с головы капюшон, взглянув сверху-вниз на дряхлую неприглядную старуху, стоящую в нескольких шагах от нее. Лицо и волосы дамы остались скрытыми под шляпкой и кружевной вуалью.

– Госпожа Анна, вы так скоро пришли, – проскрежетала старая горбунья и прищурилась. – Значит, хотите все знать...

– Да, Мартина, слуга передал письмо, в котором говорилось, что ты готова принять меня.

– Итак, что хотите знать, госпожа? – спросила недовольно старуха.

– Будущее, конечно, – возбужденно произнесла Анна Озерова. – Графине Разумовской ты предсказала еще большее

богатство и блестящее будущее для ее сыновей. Я тоже хочу знать, что ждет мое семейство впереди.

Старуха немного помолчала, оглядывая молодую женщину, которой было чуть более тридцати лет, неприятным мрачным взором. Лишь когда Анна недовольно нахмурилась, колдунья произнесла:

– Госпожа понимает, что будущее у всех разное. У кого-то блестящее, у кого-то... – Мартина оборвала фразу на середине.

– Я все равно хочу знать, – властно заявила Анна, перебив старуху. Озерова даже не сомневалась, что ее семейство ждет блестящее будущее. Ибо и она, и муж ее служили при дворе Екатерины Алексеевны и занимали высокие должности, а для ее детей уже были уготованы места и чины на будущее.

– Так и быть, я скажу, – буркнула колдунья. – Но сначала плата, Анна Андреевна, – проскрежетала она, и небольшие желтоватые глаза сузились.

– Вот, возьми, – Озерова вытащила небольшой мешочек, полный золотых рублей, и положила его на стоящий сбоку от нее грязный стол.

Старуха довольно засеменила к мешочку с деньгами и, бойко пересчитав, засунула золотые за пазуху. Повернувшись к женщине, горбунья велела:

– Снимай кольцо.

– Кольцо? Но я же заплатила.

– Для предсказаний нужна вещь с госпожи, – объяснила

Мартина. — Я верну его тебе.

— Хорошо, я поняла, — кивнула Анна.

Озерова быстро сняла кольцо с руки в кружевной черной перчатке и отдала его колдунье. Мартина подошла к столу и налила в миску воды. Потом опустила туда кольцо Анны и зажгла семь свечей, стоящих в ряд около миски. Затем старуха чуть прикрыла глаза и начала водить старыми морщинистыми руками над водой и что-то шептать. Анна терпеливо стояла, замерев, и следила за каждым движением и гримасой неприятного лица колдуньи. Старуха так и не открывала глаз, замолкнув, она лишь водила руками над водой и хмурилась. Прошло более четверти часа, прежде чем Мартина открыла глаза и вперила в Анну неприятный жесткий взор.

— Госпожа готова услышать правду? — спросила колдунья.

— Да.

— Всю правду? Даже если она будет горькой?

— Горькой? — опешила Анна. — Но я думала...

— Правда о будущем одна, другой нет. Так будешь слушать или нет? Если нет, денег обратно не отдам. Иначе зачем же я тратила свою силу и смотрела вперед... Так что?

— Говори, я хочу знать, — кивнула Анна, поджав губки, и по ее телу пробежал холодок от слов колдуньи.

— Что ж, слушай, — кивнула старуха, и ее глаза загорелись. — Семья твоя в опасности, и род твой скоро угаснет. Богатство ваше сгинет, а высокое положение пошатнется. Уже недалек тот день, когда ты и твоя семья погибнете...

– Господи! – воскликнула в ужасе Анна. – Неужели это правда?!

– Все, до единого слова. Или не веришь моим предсказаниям? – недовольно прошамкала старуха.

– Верю... – пролепетала Анна, отчетливо понимая, что Мартина предсказывала всегда только правду, это знали все придворные дамы. Но сердце Анны не хотело принимать страшное будущее, которое описала ей колдунья. Молодая женщина не могла поверить, что все это произойдет с ее горячо любимой семьей. Оттого, сомневаясь в словах старухи, Озерова тихо поизнесла как будто сама себе: – Но мой муж в добром здравии, обласкан государыней и занимает уважаемую должность при дворе. Мой старший сын прекрасно расположен к наукам и вскоре поступит на службу в лейб-гвардии полк. Императрица Екатерина Алексеевна обещалась помочь в этом. Да и младшенький Костюша уже приписан к полку. Обе мои дочери одни из самых богатых именитых невест столицы...

– И все же твой род пресечется, так я видела в Священном озере жизни. Ни один из детей госпожи не доживет и до двадцати двух лет, – грубо перебила ее старуха, недовольная тем, что женщина не верит ее словам.

– Что ты еще видела? – напряженно спросила Анна, желая узнать до конца всю страшную правду. Озерова нервно приподняла вуаль с лица и вперилась горящим взглядом в кособокую горбунью.

— Муж госпожи будет казнен, как и сын, — продолжала старуха. — Одна из дочерей умрет от болезни еще в девичестве, а другая переживет свою сестру всего на пять лет. Это все, что я видела.

— А я? — пролепетала тихо Анна.

— Видела только могилу госпожи. И она уже была, а наш век в том видении еще не кончился...

Озерова судорожно сжала вмиг похолодевшие руки, ей стало дурно. Лихорадочным взором пробегая по горбатой старухе, она срывающимся голосом прошептала:

— Наверное, есть какой-то выход? Сохранить жизни хотя бы моим детям. Я отдам тебе все, что имею, только помоги...

Мартина испытующе посмотрела в красивое, но уже немолодое лицо женщины с прелестными голубыми глазами и глухо произнесла:

— И сколько госпожа готова заплатить, если я скажу?

— Возьми, — Анна выкинула на стол еще два кошелька с золотом и сняла с пальца большой золотой перстень с рубином, который лег рядом с деньгами.

— Ну что ж, этого достаточно, госпожа, — довольно ухмыляясь, заскрежетала старуха, сверкая несколькими кривыми зубами. Она быстро припрятала драгоценности подальше к себе за пазуху, а затем открыла старую, с потертой обложкой книгу, лежащую рядом, и начала читать себе под нос. Озерова, смертельно бледная и дрожащая, терпеливо ждала, когда колдунья обратит на нее внимание. Наконец старуха подня-

ла на женщину помутневшие глаза и сказала:

– У меня есть один камень, синий яхонт. Так вот, этот сапфир может служить оберегом для одной из дочерей госпожи. Та, которая станет носить его, будет защищена от несправедливого дела и смерти по наущению врагов. Именно она, возможно, сможет продолжить твой род...

– Дочь?! – воскликнула Анна. – Но я хотела бы, чтобы это был сын...

– Нет, камень будет помогать только женщине или девушке. Над мужскими судьбами он не властен.

– Я поняла тебя. Но какая из моих дочерей должна носить его?

– Это госпоже решать. Надобно подарить сапфир одной из дочерей, и именно она, единственная, сможет остаться в живых после смерти всех...

Анна закатила глаза, лихорадочно обдумывая слова старухи.

– Но этот камень стоит целое состояние, понимаешь? – добавила колдунья. – Ежели госпожа готова заплатить, я подготовлю его.

– Я согласна. Завтра же принесу тебе все свои драгоценности, если этого будет недостаточно, попрошу у мужа недостающих денег.

– Договорились, – довольно зашипела старуха и добавила: – Да, и еще одно. Дочь госпожи, которая будет владеть камнем, может передать его по наследству своей дочери. В

тот час, когда сапфир будет подарен другой женщине твоего рода, он начнет охранять новую владелицу и так далее... на протяжении десяти колен...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Под страхом смерти

Сокровенною тайной с тобой поделюсь,
В двух словах изолью свою нежность и грусть
Я во прахе с любовью к тебе растворяюсь,
Из земли я с любовью к тебе поднимусь.
О. Хайям

Глава I. Пирожные

Москва, окрестности Воронцова поля,
усадьба Ильинка, 1780 год, Июль

Машенька выглянула из-за дерева и поманила рукой сестрицу Лизоньку, которая искала ее глазами. Лиза понятно кивнула и быстро подбежала. Обе девочки проворно уселись на корточки, спрятавшись за невысокий кустарник, стриженный в виде боскета. Лизонька неожиданно чихнула, Маша строго посмотрела на нее и, прижав пальчик к губам, прошептала:

– Тише! А то мадам Боннет услышит, и придется нам опять учить эти французские спряжения.

– Я тоже не хочу их учить, – тихо прошептала семилетняя Лиза.

Девочки замолчали, услышав шаги на дорожке. Они прижались к кустарнику и, подглядывая через зеленые ветви и листву, отметили, что темная юбка платья гувернантки, мадам Боннет, проскользила мимо них. Довольные тем, что их не заметили, девочки захихикали. Но тут Лиза прошептала:

– А матушка сказала, что, если мы не выучим сегодняшний французский урок, она не даст нам пирожных.

– И что же? – нахмурилась восьмилетняя Машенька. Да, она тоже любила пирожные, но даже они не могли заставить

ее учить эти злосчастные спряжения. – Ты, Лизонька, ради сладкого на все готова.

Девочки находились в приусадебном саду дачи Озеровых, где уже второй месяц жили с матушкой и гувернанткой. Их отец, что занимал при дворе Екатерины Алексеевны ответственную должность, приезжал в московскую усадьбу изредка, всего на пару дней в месяц. Оттого почти все лето Анна Андреевна Озерова проводила в своем загородном имении только со своими четырьмя детьми: двенадцатилетним Сережей, Лизой, Машей и малышом Костей. Две няни и гувернантка-француженка были ей в помощь. Но порой даже они не могли уследить за непоседами и озорниками господ Озеровых.

– Но пирожные из кондитерской месье Буланже такие вкусные. Прямо оторваться невозможно. Особенно те, которые со взбитым кремом и лесными ягодами, – прохныкала Лиза и всхлипнула.

– Ты что, плакать вздумала? – обернулась к ней Маша, увидев, как мадам Боннет направилась в сторону дома. Отметив, что глаза сестры увлажнились и она начала морщить носик, Маша недовольно заявила: – Если хочешь, мы сами купим эти пирожные и без матушки.

– Как это? – удивилась Лиза.

– Пойдем к месье Буланже и купим.

– Но у нас нет денег, – пролепетала Лиза.

– А мы возьмем в кредит. Мама часто так делает. Я ви-

дела, и не раз, как она в лавках говорит: «Запишите на мой счет».

– И месье Буланже даст нам пирожные?

– Конечно. Главное, не робеть, – кивнула Маша.

– И когда мы пойдем за пирожными?

– Прямо сейчас и пойдем.

– Но надо будет выйти за ворота, – опасливо заметила Лиза, она была более скромной и послушной, чем Маша. – А матушка запретила нам выходить на улицу одним.

– Она и не узнает, что мы ходили. Пошли, – велела Маша и, схватив сестру за руку, потянула ее прочь из сада.

Девочки бегом преодолели путь до ажурных чугунных ворот и приблизились к небольшой калитке, которая служила выходом для прислуги. Здесь не было сторожа, оттого Маша привела сестру именно сюда. Когда девочки уже открыли калитку и выглянули на многолюдную в этот дневной час улицу, Лиза испуганно заметила:

– Я боюсь, Машенька, а вдруг с нами что-нибудь случится? Няня сказывала...

– Да перестань, Лизок, – оборвала ее Маша, уже выходя за ворота. – Лавка месье Буланже через два квартала. Мы дойдем до нее за четверть часа. Я знаю, куда идти.

Девочки, взявшись за руки, направились по пыльной улице, с интересом оглядываясь по сторонам, приподнимая длинные платица из шелка и как можно быстрее передвигая ножками.

Москва в описываемое нами время являла собой второй по значимости город Российской империи. Спокойная жизнь в ней текла не спеша, вальяжно и более размеренно, нежели в столице. После «Манифеста о вольности дворянству», освобождающего от обязательной государственной службы, многие вельможи стали подавать в отставку и переезжать из Санкт-Петербурга в Москву. Также здесь покупали усадьбы опальные вельможи, высланные из столицы, привыкшие жить в модной роскоши, и те, что уже отошли от государственных дел в силу преклонного возраста, устав от суеты и шума столицы.

На зеленых окраинах Москвы обустроивались дачи и усадьбы, помпезные, уединенные и изысканные, в которых богатые петербургские семейства проводили летние месяцы в неге, на природе. Дворянские семейства имели здесь дачи с небольшими земельными угодьями. Маскарады и балы в Москве в богатых домах давались не так часто, как в Петербурге, и в основном московское общество довольствовалось закрытыми частными приемами или визитами к знакомым и родственникам.

Как и предрекала Маша, девочки добрались до лавки кондитера довольно быстро. Войдя внутрь, они услышали, как прозвенел дверной колокольчик. Дверь закрылась, и девочки испуганно замерли на пороге, словно не решаясь пройти далее в глубь лавки. В этот час в кондитерской находилась только одна полная дама в ярко-лиловом парчовом платье,

она покупала сладости. За прилавком стоял немолодой мужчина с черными усиками. Едва рассчитавшись с дамой, он обратил взор на вошедших девочек и поинтересовался по-французски:

– День добрый, мадемуазели. Вы что-то хотите?

Первой нашлась Маша и, пройдя чуть вперед, ближе к большим витринам, в которых красовались пирожные, торты, засахаренные фрукты, зефир и другие сласти, ответила также по-французски:

– Здравствуйте, месье Буланже. Мы с сестрой хотели бы купить у вас пирожные.

Кондитер вскинул брови, отчетливо вспомнив дочек мадам Озеровой, и, приветливо улыбнувшись, предложил:

– Как вам будет угодно, мадемуазель. Пройдите к витрине и скажите, какие вы хотите.

Лиза и Маша боязливо приблизились к витрине с пирожными, переглядываясь друг с другом и бросая на кондитера испуганные взоры. В этот момент грузная дама открыла двери, и Буланже пожелал ей всего наилучшего. Он вышел из-за прилавка и подошел к девочкам.

– Вы будете выбирать или знаете уже, какие вам по вкусу? – спросил он по-французски.

Девочки вновь переглянулись, Лиза ткнула сестру в бок и по-русски тихо сказала ей на ухо:

– Спроси его про деньги.

Маша кивнула и, повернувшись к кондитеру, стоящему

рядом, улыбнулась и произнесла:

– Мы уже выбрали, месье Буланже. А можем мы взять пирожные в кредит?

– В кредит? – переспросил кондитер и вскинул брови.

– Ну да. Вы запишете сумму в свою книгу, а потом наша матушка рассчитается.

В это время в лавку вошел высокий военный в зеленом мундире офицера. Сняв треуголку, он умелым движением сунул шляпу под мышку и поздоровался по-русски. Кондитер ответил ему на французском и вновь обернулся к девочкам.

– Да, вы можете взять пирожные в кредит, – согласился кондитер.

– Фух, пронесло, – выдохнула облегченно Маша, и довольнo переглянулась с сестрой.

– Сударь, пройдите, пожалуйста. Я сейчас обслужу мадемуазелей Озеровых и буду в вашем распоряжении, – заметил кондитер, снова заходя за стойку.

– Хорошо, не торопитесь, – кивнул русоволосый военный и почтительно встал рядом с прилавком.

– Так что вы выбрали, мадемуазель? – спросил Буланже.

– Два, нет, три пирожных с ежевикой, – выпалила Лиза, – и еще вот эти два со взбитыми сливками, – показала девочка на витрину пальчиком. – И одно...

– Хватит, – выпалила раздраженно и тихо Маша на ухо сестре, дернув ее за руку. – Матушка и так рассердится.

– И все, – тихо добавила Лиза, обращаясь к Буланже.

– Итак, два «Весенних» и три «Сладкие грезы», – подытожил кондитер, быстро укладывая пирожные в коробку и накрывая ее крышкой. – Итого с вас один рубль с четвертью.

Приблизившись к кондитеру, девочки протянули руки к коробке, которую тот умело перевязал атласной лентой, но месье Буланже поставил коробку рядом с собой и важно заметил:

– Но сначала надо расписаться в книге.

Он достал из-под прилавка большую красную бархатную книгу и, положив перед собой, начал листать. Лиза и Маша испуганно переглянулись, не зная, как расписываться, и уж тем более боясь показать кондитеру и офицеру, который почтительно стоял рядом, всего в трех шагах, что они пришли сюда без разрешения. Кондитер наконец нашел то, что искал, и, повернув книгу, положил ее перед девочками на стойку. Указав пальцем на строку с фамилией мадам Озеровой, он сказал:

– Вот здесь. Укажите сумму и поставьте свою роспись.

– Роспись?

– Вы, надеюсь, умеете ставить роспись? – уже нахмурившись, спросил Буланже.

– Маша, мы не, – начала было Лиза испуганно, но сестра толкнула ее в бок и важно сказала:

– Да, я умею.

Машенька взяла перо из руки Буланже и в нужной строке

очень аккуратно написала словами сумму. Далее она вывела свою фамилию и в конце сделала небольшой завиток, стараясь подражать подписи матушки. Роспись получилась как у Анны Андреевны, красовавшаяся строчкой выше. Кондитер довольно улыбнулся и, захлопнув книгу, протянул девочкам пирожные.

– Благодарю за покупку, мадемуазели.

Девочки поблагодарили кондитера, и Маша, быстро сжав рукой ленту, какой была перевязана коробка, вместе с сестрой поспешила к выходу. Едва они вышли, офицер улыбнулся кондитеру и попросил:

– Я бы приобрел три «Весенних» для сынишки, раз девочкам они по вкусу. А вот для моей жены посоветуйте что-нибудь легкое, месье.

– Да, конечно, сударь.

Машенька и Лиза вылетели из кондитерской лавки и поспешили обратно к дому, счастливые, гордые и довольные тем, что у них все получилось, и они в тайне от матушки достали пирожные, хотя и не выучили спряжения французских глаголов. Они отошли совсем недалеко от кондитерской, когда Лиза попросила:

– Машенька, давай попробуем пирожные.

– Нет, дома.

– Ну, Маша, я сейчас хочу! – капризно заканючила Лиза, топнув ножкой и останавливая за локоток сестру.

– Лиза, ты что же, предлагаешь прямо здесь, на дороге,

их есть?

– Да поблизости никого нет, – протараторила возбужденно Лиза.

– Как же, а та дама с кавалером? – указала взором Маша на противоположную сторону улицы, где прохаживались благородно одетые горожане.

– Давай отойдем в сторонку, вот сюда, – предложила Лиза и потянула сестру в сторону, на маленькую улочку. – Дома ведь нас могут увидеть. Заберут пирожные, а нас еще и накажут.

– Лизок, давай дойдем хотя бы до нашего сада, – предложила Маша, сворачивая за сестрой в проулок и прижимая к себе коробку с пирожными. – Это не по этикету, есть пирожные прямо на улице, да еще и руками.

– Ну что ты говоришь, Машенька? – возмутилась Лиза. – Какой этикет? Нас же никто не увидит здесь. Мы быстро съедим их, и все. Пожалуйста! Они такие вкусные. Я прямо чувствую, как они пахнут!

Маша нахмурилась, поняв, что сестра не отстанет, и, вздохнув, сказала:

– Хорошо, давай здесь.

Она огляделась и, не заметив никого на пустынной улочке, протянула коробку сестре, а Лиза начала проворно развязывать атласные ленты. Раскрыв коробку, она схватила первое пирожное и тут же откусила. С полным ртом девочка пролепетала:

– Как вкусно! Я сейчас съем его, Машенька, подержу коробку, и ты тоже попробуешь.

– Да и впрямь они так чудесно пахнут, – улыбнулась Маша, смотря на счастливое личико сестры, которая откусила еще.

Неожиданно сбоку от девочек раздался собачий лай. Маша и Лиза обернулись и увидели, как к ним быстро приближается небольшая свора собак. Испуганно прижавшись к стене бревенчатого двухэтажного дома, девочки округлившимися глазами смотрели на дворняг, которые уже через миг окружили их. Уличные собаки были разномастные, большие и помельче. Четверо из них начали злобно лаять на девочек. Остальные, переминаясь с лапы на лапу, рычали и скалились, показывая острые зубы.

Маша испуганно прижала коробку с пирожными к груди, а Лиза, перестав есть пирожное, притиснулась к сестре. Едва первый испуг прошел, Машенька встала перед младшей сестрой, как бы загородив ее от собак, и храбро выпалила:

– А ну, пошли отсюда! – Но псы залаяли еще сильнее, и Маша, поняв, что дворняги совсем не боятся их, уже тише попросила: – Собачки, идите прочь!

Но те продолжали злобно лаять, еще приблизившись к девочкам. Вмиг придумав, как от них отделаться, Машенька засунула руку в коробку, схватив первое попавшееся пирожное, и кинула им. Две собаки тут же жадно проглотили лакомство, а остальные продолжали лаять. Маша кинула еще

пирожное, и псы также съели его.

– Не давай им наши пирожные! – воскликнула истерично Лиза, видя, как собаки поглощают безумно вкусные пирожные месье Буланже.

– Ты хочешь, чтобы они съели нас? – нервно выпалила Маша, не оборачиваясь к сестре. Съев второе пирожное, собаки вновь начали скалиться, и Маша мгновенно выкинула им остальные пирожные. Собаки стремительно все съели и вновь начали лаять. Маша посмотрела на последнее пирожное в руках у Лизы и велела:

– Отдай им пирожное!

– Нет, – замотала головкой Лиза. – Оно мое.

– Кидай, я тебе говорю, Лиза! Они не отстанут, пока мы не отдадим им все!

Лиза кинула собакам свое пирожное. И те, проглотив его, опять начали злобно скалиться и рычать.

– Мы уже все вам отдали! – сквозь слезы прохныкала Лиза. – У нас больше ничего нет!

Но собакам словно нравилось держать девочек в окружении и травить их. Чувствуя свое превосходство над детьми, они злобно скалились и продолжали лаять.

– Ты что плачешь, Лиза? – нервно воскликнула Маша, повернувшись к сестре. Она была на полголовы выше Лизы и чувствовала себя сейчас гораздо взрослее, хотя была старше всего на год. – Я запрещаю тебе плакать!

– Но я их боюсь! Они никогда не отвяжутся от нас, – про-

хныкала Лиза.

– Собачки, у нас нет больше пирожных, – начала увещевательно Машенька, показывая пустую коробку животным. – Ступайте куда бежали!

– Пошли прочь! – вдруг раздался сбоку от них грозный мужской голос, и девочки затравленно обернулись. Офицер, которого они видели в кондитерской, уже приблизился с небольшой палкой. Мужчина больно ударил ближайшую к нему собаку, и уже спустя минуту вся свора, поджав хвосты, ретировалась на соседнюю улицу, а военный, обратив взор на испуганных девочек, участливо спросил:

– С вами все в порядке, барышни?

Придя в себя, Маша вымученно улыбнулась незнакомому молодому мужчине, который уже отбросил палку в сторону и теперь стоял лишь с одной коробкой в руке, и пролепетала:

– Спасибо вам, сударь.

– К вашим услугам, – кивнул он, снял треуголку и снова надел ее. – Хорошо, что я решил посмотреть, что тут за лай.

– Они напали на нас. Мы с сестрицей даже убежать не успели, – объяснила Машенька, рассматривая высокого офицера с приятным добрым лицом и серыми глазами. На вид ему было лет двадцать пять, его густые усы и волосы были русы. Мужественное волевое лицо и плотно сжатые губы выдавали в нем человека с характером.

– Почему вы гуляете одни по улице? Где ваша няня или гувернантка? – спросил строго военный.

– О, мы живем поблизости, в усадьбе, – ответила Лиза.

– Нас отпустили, – сказала сухо Маша, нахмурившись. – Еще раз благодарим вас, сударь, но нам пора идти, – добавила она и, схватив сестру за руку, потянула ее, боясь, что офицер начнет расспрашивать далее и поймет, что они тайком убежали из дома.

– Спасибо вам, – протараторила Лиза, устремляясь за сестрой, которая тянула ее за руку по улице. – Собаки съели все наши пирожные, – всхлипнула Лиза, вытирая кулачком слезы от обиды, едва они отошли на три шага от военного, и он невольно услышал слова девочки.

– Перестань! Это все ты, – строго заметила Маша, устремляясь вперед по улице и дергая сестру за руку за собой. – Давай на улице да давай на улице. Вот видишь, как все вышло!

– Барышни, постойте! – окликнул девочек офицер, в несколько шагов догоняя их.

– Да? – обернулась к нему Маша, останавливаясь. Лиза тоже внимательно посмотрела на мужчину.

– Если вам угодно, я могу отдать вам свои пирожные, – предложил молодой человек учтиво. – Чтобы вы не расстраивались.

Офицер ласково улыбнулся малышам, стоящим перед ним, и вновь внимательно посмотрел на темноволосую девочку в голубом шелковом платье, которая была чуть выше сестры и имела невозможно яркие большие синие глаза.

– Ваши пирожные? – опешила на миг Машенька.

– Вы правда хотите отдать их нам? – промямлила Лиза, и ее глаза загорелись.

– Вот, возьмите, – по-доброму улыбнувшись, сказал военный, протягивая коробку темноволосой девчущке. Еще в лавке кондитера она показалась ему довольно бойкой, и, когда собаки напали на них, она также своей позой словно защищала русоволосую сестру. Невинскому импонировал ее характер.

– Но вы, наверное, купили их своим детям, – замялась неуверенно Маша, боясь взять коробку.

– Да, сыну, – кивнул он. – Но вы не переживайте, я вернусь в кондитерскую и куплю еще. Берите.

– О, спасибо вам большое, – выпалила довольно Лиза и тут же схватила за сестру коробку. – Вы очень добры.

– На здоровье, – кивнул военный и, поднеся руку к треуголке, тихо сказал: – Честь имею.

Он уже почти развернулся, но Лиза выпалила:

– А как ваше имя, сударь? Мы расскажем матушке о вас. Что вы помогли нам избавиться от этих злобных собак.

– Лиза, – Маша ткнула сестру в бок. – Негоже так расспрашивать.

– Невинский Михаил Александрович, – сказал, улыбнувшись, он и, обратив взор на Лизу, добавил: – И на вашем месте я бы не стал ничего рассказывать вашей многоуважаемой матушке. Накажет она вас за то, что ушли без спроса из дома.

– Это не так, – смутилась Маша в ответ.

– Не так? – он перевел свой взгляд на темноволосую девочку и, хитро прищурившись, добавил: – Вы можете обмануть француза кондитера, но не меня, мадемуазель Озерова.

– Откуда вы знаете мое имя? – опешила Маша, теряясь от настойчивого какого-то укоряющего и в то же самое время изучающего взгляда молодого офицера. – Ах да, месье Буланже называл нас...

– Я могу проводить вас до дому, чтобы с вами еще что-нибудь не приключилось, – предложил Невинский.

– Нет, благодарим вас, сударь, но это лишнее, – тут же выпалила Маша, понимая, какой будет конфуз, если офицер приведет их домой, да еще с пирожными. – Мы сами дойдем, тут недалеко.

– Что ж, дело ваше, – прищурился Невинский, еще раз осматривая храбрую темноволосую девчушку с яркими глазами и вновь отмечая, что никогда не видел подобной насыщенной синевы глаз у кого бы то ни было. И добавил: – И ступайте побыстрее домой, барышни. Пока вас не хватились.

– Спасибо вам, мы пойдем, господин Невинский, – сказала Машенька, нахмутив лобик и потянув за собой сестру. Девочки, взявшись за руки, быстро поспешили по дороге, а Михаил, проводив взглядом их маленькие фигурки в дорожных платьях, развернулся и направился обратно в кондитерскую, чтобы вновь купить сладости сыну и жене, с которыми не виделся уже несколько лет, поскольку только на той

неделе получил увольнение со службы. А сейчас направлялся в московскую усадьбу тещи, у которой гостили Надежда с Сашей.

Девочки пробрались обратно в сад, спрятавшись в маленьком боскете, уселись на траву и, развязав коробку, начали с упоением поглощать пирожные. Лиза, набив рот и облизывая пальчики, довольно произнесла:

– А все же хороший он, этот господин Невинский. Уж очень мне понравился.

– Да, – кивнула Машенька, также откусывая от большого пирожного с ягодами. – Как он вовремя появился, когда собаки чуть было нас не покусали.

– Мне кажется, он очень добрый и положительный. Вот бы мне такого мужа, – увлеченно добавила Лиза.

– А по мне, так он в мужья совсем не годится, – сморщив носик, сказала Маша.

– Отчего же? Он такой смелый, собак не испугался, и очень добрый, раз пирожные свои нам отдал.

– Потому что он вовсе некрасивый. А я хочу найти мужа по любви. И полюбить я смогу только красивого молодого человека, никак иначе, – сказала важно Машенька. – И обязательно, чтобы он умел красиво говорить и одеваться по моде. А этот, что ж, в форме офицерской зеленой. Фу. Да и некрасив лицом.

– Неправда это. Он вполне приятный, – сказала в защиту Невинского Лиза.

– Ничего-то ты не понимаешь, Лизок. Любить можно только красивых, с ними жить приятнее, я так думаю. А этот смотрит так строго, словно провинились мы. Нет, мне его взор совсем не понравился...

Глава II. Фрейлина

Санкт-Петербург, Зимний дворец,
1789 год, Декабрь, 20

В очередной раз оправляя платье, Машенька медленно поднялась по беломраморной лестнице дворца в сторону комнат императрицы Екатерины Алексеевны. Все последние дни девушка очень волновалась из-за своего нового звания придворной фрейлины. Именно благодаря отцу, который занимал высокое положение в окружении императрицы, Машенька неделю назад получила это место. Поначалу пообещав ее отцу устроить Машу фрейлиной к юной жене Александра Павловича, своего внука, императрица вскоре помняла решение и надумала оставить миловидную и сообразительную девушку при себе. Так как цесаревна Елизавета, едва увидев Машеньку и позавидовав красоте девушки, почувствовала в ней соперницу и дала про нее нелестный отзыв императрице, надеясь, что восемнадцатилетнюю прелестницу Озерову удалят от двора. Но государыня весьма ценила отца Машеньки, Кирилла Петровича, и потому решила более внимательно присмотреться к девушке. Оттого оставила ее пока в списке своих личных фрейлин.

Машенька уже несколько дней жила в Зимнем дворце, где у нее была хоть и маленькая, но все же своя комнатка, в то

время как некоторым придворным приходилось ютиться по несколько человек. И девушке казалась привлекательной такая жизнь. В доме отца и матери на улице Л. было скучно. В последний год в небольшом особняке Озеровых обитали только Маша да слуги. Родители постоянно находились на службе в Зимнем дворце и часто ночевали там же. Старший брат девушки, Сергей, служил адъютантом при генерале М, в лейб-гвардии, и безвылазно жил в казарме.

За прошедшие годы судьба немилосердно обошлась с четой Озеровых. Их малыш Константин умер в младенчестве. А четыре года назад от оспы скончалась Лизонька, и теперь, Маша и Сережа были единственными наследниками Озеровых. Матушка после смерти Костеньки не решалась рожать и все время твердила, что более не сможет пережить подобного удара. Когда в двенадцатилетнем возрасте умерла Лиза, Анна Андреевна вообще слегла от потрясения и горя. Все опасались за ее здоровье, но, к счастью, через два года она вроде бы поправилась, однако ее сердце с того момента стало давать сбои. Доктора констатировали у Озеровой сильное нарушение ритма и велели ей поменьше переживать. Чтобы убить время и меньше вспоминать о так рано и трагично ушедших детях, Анна Андреевна попросила императрицу, которую хорошо знала еще с девичества, дать ей место при дворе. Екатерина Алексеевна обещала помочь, и спустя год Анна Озерова перебралась во дворец и стала одной из фрейлин жены наследника престола, цесаревича Павла. Озерова

приглядывала за детьми Павла Петровича наравне с двумя другими фрейлинами Марии Федоровны, жены Павла Петровича, и была весьма довольна своими новыми обязанностями. Здесь, в Зимнем дворце, Машенька могла видаться с родителями ежедневно и по нескольку раз, чему несказанно радовалась.

Едва Маша приблизилась к покоям императрицы, ей навстречу вышел граф Zubov, новый фаворит царицы Екатерины Алексеевны. Молодой, красивый, наглый, вспыльчивый и пронырливый, Платон Zubov смог завоевать сердце императрицы очень быстро. Платону было всего двадцать два года, и стареющая шестидесятилетняя императрица не чаяла в нем души. Обожание Екатерины Алексеевны было так велико, что даже всемогущий князь Таврический-Потемкин опасался за свое, казалось, непоколебимое положение у трона императрицы.

Впервые за многие годы владычества в Российской империи Потемкин почувствовал в Zubове соперника, и не только в телесном плане, но и в безграничном влиянии на государыню. Платон же, видя пылкие чувства Екатерины Алексеевны и ощущая свое превосходство, вел себя дерзко, надменно и вызывающе, зная, что государыня простит ему все его «шалости и причуды», как она ласково высказывалась о крайне нелицеприятных поступках молодого графа Zubова. Однако вызывающее, а порой хамское и высокомерное поведение молодого человека не могло не вызвать у старой знати

и приближенных императрицы неприязни и даже ненависти. Оттого Платон всего за несколько месяцев фавора сумел нажить себе очень влиятельных и опасных врагов. Но это вовсе не беспокоило его, ибо он знал, что под опекой государыни ему нечего опасаться.

– Вы к Екатерине Алексеевне, моя разлюбезная Машенька? – как-то чересчур слащаво произнес Зубов, улыбаясь девушке белоснежными зубами.

– Да. Екатерина Алексеевна велела мне прийти к ней сегодня поутру.

– Но государыня пока занята. У нее граф Панин.

– Правда?

– Ну да. О, вы опечалились, моя несравненная? – продолжал обволакивающим голосом Платон. – Но я бы мог составить вам компанию. Например, мы могли бы прогуляться по зимнему саду, пока Екатерина Алексеевна решает государственные вопросы.

Маша удивленно посмотрела в лицо Платона и ощутила неловкость. Все во дворце знали, что государыня очень ревниво относилась к графу Зубову. И даже такая неопытная и наивная девушка, как Машенька, понимала, насколько опасно гулять с любимцем императрицы по саду у всех на виду. Но и оскорблять отказом Зубова было нельзя, потому она очень мило улыбнулась и ответила:

– Вы, наверное, правы Платон Александрович, – почти-тельно заметила Маша. – Я пока займусь другими делами, а

чуть позже вернуться.

Она отметила недовольное выражение на лице Платона и, извинившись перед ним, быстро направилась прочь от покоев императрицы, намереваясь увидеться с матерью, которая по утрам находилась в детской цесаревичей.

Зимний дворец, который теперь служил главной резиденцией российской государыни Екатерины II, был заложен еще Елизаветой Петровной, а достроен при Петре III. Богатое внутреннее убранство комнат и интерьеров в стиле рококо дворец получил уже при нынешней императрице, Екатерине Алексеевне. Трехэтажный, каменный, со множеством помпезных нарядных залов, гостиных, галерей, будуаров, кабинетов и даже с театром дворец насчитывал более тысячи залов и покоев и сотни лестниц. Императрица Екатерина Алексеевна проводила в Зимнем дворце почти все свое время с ранней осени по май, лишь на лето переезжая в Царское село или Петергоф.

Следуя по широкому с высокими потолками коридору Зимнего дворца, Машенька приблизилась к величественной парадной мраморной лестнице, украшенной позолоченной лепниной, статуями и живописным плафоном, изображающим древнегреческих богов. Спускаясь вниз, девушка еще с верхнего лестничного марша заметила высокую поджарую фигуру молодого гвардейца, который в этот момент поднимался ей навстречу. Вмиг смущенно опустив глаза, Маша замедлила шаг, намереваясь пройти мимо, не здороваясь, ибо

они не были представлены друг другу. Но гвардеец, едва поравнявшись с девушкой, тут же оценивающим взором пробежался по ее фигурке, которая была немного выше среднего роста. Отметив прелестное совершенное лицо и гибкий изящный стан, он вдруг громко произнес:

– Добрый день, сударыня!

Невольно остановившись, Маша мгновенно подняла на него глаза и окинула гвардейца заинтересованным наивным взором. На вид молодому человеку было лет двадцать пять, и выглядел он великолепно. Высокий, видный, с широкими плечами, он имел красивое скуластое лицо, яркие карие глаза и чувственные губы. Вмиг ощутив неистовое волнение от его близости, Машенька даже не нашлась, что ответить, так как гвардеец в красно-зеленом военном мундире и высоких ботфортах стоял невозможно близко. Видя ее замешательство, молодой человек сделал несколько шагов назад и спустился ниже, его лицо оказалось как раз на уровне глаз девушки, и он добавил уже тише:

– Мы не представлены друг другу. Но это лишь досадная ошибка. Мое имя Григорий Петрович Чемесов, поручик лейб-гвардии полка ее величества. – И, видя, что девушка внимательно смотрит на него своими прелестными глазами, он по-мальчишески улыбнулся и вежливо добавил: – Могу я узнать ваше имя?

Только после этих слов Машенька, очарованная всем эффектным мужественным образом молодого человека, при-

шла в себя и, искренне улыбнувшись Чемесову, произнесла:

– Озерова Мария Кирилловна. Я фрейлина государыни.

– Весьма раз знакомству! – отчеканил Григорий и, вновь проводя по девушке заинтересованным взором, добавил: – Однако раньше я вас не видел, хотя знаю всех фрейлин ее величества.

– Я недавно служу во дворце, – ответила Маша.

– Это все объясняет, – выпалил Чемесов, и его взгляд остановился на больших, лучистых, мерцающих синих глазах девушки. Юная, прелестная, с нежным лицом и гибким станом, с румянцем на щеках и переливающимися темными локонами, она вызвала в существе молодого человека страстное волнение, и Григорий добавил: – Надеюсь, мы еще увидимся?

– Да, наверное, – кивнула Маша, понимая, что для первого знакомства уже достаточно разговоров. Тем более на лестнице появились еще люди, и их продолжительная беседа могла вызвать кривотолки.

– Тогда буду ждать, – кивнул довольно Чемесов.

– Извините, мне надобно идти, – пролепетала Машенька.

– О, простите меня. Я задержал вас, – кивнул Григорий. И Маша, быстро поклонившись, поспешила вниз, инстинктивно ощущая, как поручик смотрит ей вслед.

Чемесов проводил внимательным взглядом изящную соблазнительную фигурку девушки до самого низа лестниц, и только потом быстрым маршем направился в сторону покоев

цесаревича Павла, думая, что юная фрейлина императрицы – весьма лакомый кусочек и явно стоит того, чтобы попробовать завоевать ее расположение.

Таврический дворец князя Потемкина,
1790 год, Март, 3

– Григорий, так что там у нас с барышней Озеровой? – тоном инквизитора поинтересовалась княгиня Екатерина Семеновна Д. переводя властный взор на молодого офицера в форме лейб-гвардии измайловского полка. Чемесов натянулся, будто тетива, и с горячностью ответил:

– Я полностью очаровал ее, сударыня.

– И далее? – высокомерно спросила княгиня, которая вальяжно полулежала, расположившись на парчовом диванчике, и гладила пухлой рукой мохнатую собачонку.

– Мне кажется, она влюблена в меня, – замялся Чемесов, не зная, что еще сказать Екатерине Семеновне.

– Это весьма обнадеживает, – удовлетворенно кивнула княгиня. – Григорий, ты ведь прекрасно знаешь, что у малышки Озеровой есть свободный доступ к покоям императрицы и к комнатам ее любимца Зубова.

– Я помню о том.

– Вот именно, помни. Ведь мы с Григорием Александровичем для того и рекомендовали тебя императрице, чтобы ты был в свите цесаревича и мог заниматься нашими делами.

– Премного благодарен вам за это, Екатерина Семеновна, – кивнул, поклонившись, Григорий.

Поручик Григорий Петрович Чемесов был представительным и видным придворным и занимал небольшую должность при дворе Екатерины Алексеевны. Благодаря своим высокопоставленным покровителям, Потемкину и княгине Д., Чемесов получил это место и понимал, что от его поведения при дворе зависит дальнейшая карьера.

– Ты должен быть уверен, что девица Озерова полностью подчиняется тебе и готова ради тебя на все. Только после этого я скажу, как следует поступить дальше, – загадочно сказала княгиня.

– Но мне кажется, она готова.

– Тебе кажется, или ты уверен? – спросила Екатерина Семеновна строго. – Наше дело весьма важное и очень деликатное, и я бы не хотела, чтобы в нем участвовали люди, которые не до конца уверены в своих силах.

– Да, она влюблена в меня, как кошка. И, ежели я велю, сделает все. Ваша светлость, Екатерина Семеновна, дайте мне поручение, я все исполню! – выпалил Чемесов, понимая, что настал тот момент, когда он может завоевать доверие облеченной властью и обласканной государыней княгини Д.

– Bravo, Григорий, – кивнула довольно княгиня и небрежно добавила: – Если все так, как ты говоришь, вскоре жди от меня письма. Когда я решу, что время пришло, вызову тебя

и объясню, что следует сделать...

Когда лакей закрыл дверь за Чемесовым, княгиня, проворно откинув от себя собачку, встала. Она проследовала в смежную комнату и приблизилась к полноватому, с внушительной фигурой мужчине лет пятидесяти, который, развалившись, сидел в кресле в одном халате и потягивал игристое вино из хрустального бокала. Потемкин, а это был он, вскинул затуманенный вином взор на Екатерину Семеновну, едва она приблизилась, и поинтересовался:

– И что наш молодец?

– Как обычно, одна бравада и пылкость, – поморщилась княгиня, усаживаясь в кресло напротив Григория Александровича. – Я ему велела потребовать с Озеровой признаний в любви. Ведь именно после этого он сможет просить ее сделать то, что нам надобно.

– Да, вы верно подметили, Екатерина, ради любви люди на многое способны. Даже отравить кого-нибудь...

– Тише, Григорий Александрович! – смутилась княгиня, испуганно оборачиваясь на приоткрытую дверь. – Вы же знаете, везде есть уши.

– Вы правы, я погорячился. Но этот Зубов просто выводит меня из себя. Как он смеет, этот мальчишка, у которого молоко на устах не обсохло, посягать на мою власть и влияние!

– Вот именно, смеет, – кивнула Екатерина Семеновна. – Да еще как смеет! Он вообще обнаглел. Вчера на приеме

в честь турецкого посла даже не поздоровался со мной, нахально ухмыльнулся мне в лицо и прошел мимо!

– Каков наглец! – тут же возмутился Потемкин. – Весь в своего отца, вора и взяточника.

– Его давно надо поставить на место! – раздраженно заметила княгиня. – И как императрица не видит, что этот Зубов глуп, как пробка, и бездарен? Не пойму, Екатерина Алексеевна всегда отличалась взыскательным и утонченным вкусом при выборе мужчин.

– Он молод и горяч, вот и весь секрет, – поморщившись, заметил Потемкин.

– Этого наглого мальчишку следует убрать из покоев государыни как можно скорее, пока он не наделал дел и не раздал лучшие должности своим приближенным.

– Да, следует его убрать, вы правы, – кивнул Потемкин, вновь отпивая вино. – А лучше – вырвать его вовсе!

– Да, согласна с вами, Григорий Александрович, – кивнула, мрачно улыбаясь, княгиня, оценив метафору «вырвать» в сочетании с фамилией Зубов.

Машенька еще раз оглядела себя в простое зеркало, висящее на стене, и вновь поправила изысканно элегантную модную прическу, в которую уложила свои чуть напудренные, темные густые волосы. Выше среднего роста, девушка обладала изящной фигурой, округлыми плечами и высокой грудью. Стройные покатые бедра ее и длинные ноги были скры-

ты под пышными юбками платья и практически не угадывались среди бархатных складок материи. Удовлетворенно отметив, что все в порядке, она оправила оборку закрытого лилового наряда и вышла из своей маленькой комнатки. Оглядевшись и отметив спующих по дворцу слуг, девушка направилась в центральную часть анфилады комнат к спальням императрицы Екатерины Алексеевны.

Уже три месяца Маша служила фрейлиной при государыне. Еще в прошлом декабре девушке исполнилось полных восемнадцать лет, и она чувствовала себя вполне взрослой барышней и готовилась стать надежной и незаменимой фрейлиной Екатерине Алексеевне. Стареющая императрица, которой уже перевалило за шестьдесят, была строгой, своенравной, но доброй женщиной. Да, она была придирчива к Машеньке, но все же справедлива, зря не бранила и очень уважительно говорила с девушкой.

Поначалу императрица предвзято и как-то холодновато относилась к Маше и почти не замечала ее в своем окружении, потому что девушка была еще слишком молода. Но через пару недель, когда одна из фрейлин государыни, которая выполняла мелкие поручения, неожиданно заболела и слегла с чахоткой, Екатерина Алексеевна предложила Машеньке выполнять ее работу. Девушка с воодушевлением согласилась, и уже вскоре императрица стала полностью доверять Озеровой и со спокойной душой поручала ей разнообразные дела, такие, как подобрать перчатки в модном сало-

не или приобрести интересную книгу в печатной лавке, где продавались разнообразные новые издания, или проверить, как накормили ее любимых собачек.

Да все эти дела были довольно мелкими и порой вызывали у других фрейлин ехидные улыбки. Но Машенька отчего-то чувствовала, что нравится Екатерине Алексеевне, и то, как она исполняла свои обязанности, вполне устраивает императрицу, ибо наедине она постоянно хвалила девушку, и говорила, что из нее выйдет толк. При Екатерине Алексеевне постоянно находилось шесть приближенных фрейлин, но все они уже более двадцати лет служили государыне, и, конечно же, она доверяла им более ответственные дела. Но остальные фрейлины при дворе вообще слонялись без дела, и их собирали в тронном зале только для массовости, когда проходили приемы послов или при награждении отличившихся военных и государственных сановников.

Императрица Екатерина Алексеевна обычно вставала рано, около шести. Она сама заваривала себе кофе и далее писала за своим секретером. Около восьми к ней приходил личный парикмахер и главная фрейлина, которые помогали государыне облачаться и причесываться. И Маша знала, что ранее девяти к Екатерине Алексеевне приходить не стоит. Оттого, уточнив время у камердинера, который попался ей по дороге, девушка решила пойти немного медленнее, так как еще было только половина девятого. Она прошла по длинному коридору и со второго этажа услышала приглу-

шенные голоса и смех снизу. Тенор показался ей знакомым, Машенька невольно остановилась на лестнице и чуть склонилась, устремив пытливый взор на двух гвардейцев в красно-зеленых мундирах и двух молодых дам в светлых платьях. Все четверо весело и оживленно о чем-то разговаривали.

Машенька вмиг напряглась всем телом, тут же узнав со спины Григория Чемесова, который в последнее время занимал все мысли девушки. Григорию едва исполнилось двадцать пять лет, пять из которых он провел на службе в гвардии. Он происходил из известного дворянского рода и служил адъютантом при цесаревиче Павле Петровиче.

Декабрьское знакомство не прошло даром, и с того дня Машенька, впечатлившись образом молодого человека, начала постоянно выискивать его глазами в рядах многочисленных обитателей Зимнего дворца. Позже, видя его на приемах послов, парадах и торжественных мероприятиях, девушка заинтересованно рассматривала Григория Чемесова, желая разглядеть каждую черточку красивого мужественного лица и атлетически сложенного тела. Через несколько недель, на удивление Маши, Чемесов стал появляться в тех же местах, что и она. То около покоев императрицы, то в парадной зале для приема, то в галерее – он постоянно оказывался поблизости и заводил с Машенькой непринужденные разговоры, заглядывал в глаза, пытаясь разглядеть реакцию на свои слова. Уже через месяц такого знакомства девушка, наконец привыкшая к молодому человеку, перестала стыд-

ливо краснеть и смущаться в его обществе. Она стала даже улыбаться в ответ и старалась поддержать разговор. Чемесову это явно льстило, и он начинал рассыпать комплименты девушке, говоря о ее чудесном цвете лица, ярких глазах и стройном стане.

Спустя еще месяц образ красавца Чемесова уже полностью завладел всем сознанием, мыслями и чувствами Маши, она постоянно мечтала о том, что когда-нибудь молодой человек сделает ей предложение, и они обвенчаются. При этом отмечала, что Григорий также ищет ее общества и расположения и даже осмеливается теперь приглашать ее на свидания. Это были совсем невинные прогулки по набережной Невы или вечерние беседы на скамейке в зимнем саду дворца, но все же все эти встречи вызывали в душе девушки трепетное, страстное чувство. А на прошлой же неделе он отважился и сделал ей предложение стать его невестой. И она так обрадовалась его словам, что позволила себя поцеловать. Тот поцелуй прервала именно она, ощутив, что Григорий уж больно долго терзает ее губы. Но каждый последующий день, встречаясь с девушкой, молодой человек настаивал на поцелуях и шептал ей на ушко о том, как она привлекательна и желанна.

Вчера поздно вечером в одной из пустынных галерей дворца Чемесов даже осмелился прикоснуться к ее груди, и девушка, словно пугливая птичка, испуганно отстранилась от него, покраснев. В ответ на такую застенчивость Чемесов

недовольно заметил, что раз она его невеста, то не должна отстраняться, если он хочет приласкать ее. Маша смущенно ответила, что сначала Григорию следует поговорить с ее отцом и объявить о помолвке открыто. Но молодой человек заметил, что пока не может этого сделать, ибо в течение месяца должен разрешить один вопрос, касательный наследства. И только потом намерен просить ее руки, так как горячо влюблен.

Ответ явно понравился девушке, и она разрешила Чемесову вновь обнять себя и даже позволила его широкой ладони надолго задержаться на груди, затянутой в розовый шелк. Позже, лежа в своей постели, она полночи думала и мечтала о молодом человеке и сомкнула глаза только на рассвете. И вот теперь она видела своего любимца внизу, воркующим с двумя молоденькими придворными дамами. Маша отметила, как одна из красавиц, весело смеясь над шуткой Чемесова, ласково провела по его щеке. Григорий тут же поймал ее руку и поцеловал пальчики дамы, заглядывая ей в глаза.

Маша ощутила некий укол ревности, поскольку считала, что Григорий не может так развязно вести себя с другими девушками, тогда как еще вчера вечером признавался ей в любви. Она нахмурилась и, более не желая смотреть на эту сцену, которая вызвала в ее нежном сердце озабоченность и боль, отвернулась. Она решила уже вечером все выяснить у Григория и попросить его объясниться, отчего он так вел себя. Маша быстро последовала дальше, боясь опоздать к нуж-

ному часу.

Проворно пройдя первые комнаты императрицы и достигнув нужных дверей, украшенных золотыми вензелями, она осторожно постучалась. Ей ответили, и девушка вошла в просторную, убранную в золото и белый шелк спальню государыни.

– А, душечка, проходи, – приветливо сказала ей Екатерина Алексеевна, чуть обернувшись, – ты как раз вовремя.

Машенька всегда приходила к императрице в закрытых, довольно скромных платьях, чтобы не вызывать у государыни неодобрительной реакции. Только на свидания с Чемовым или на приемы, устраиваемые в Зимнем дворце, как и полагалось по этикету, Маша надевала свои изысканные прелестные туалеты, которые подчеркивали красоту и стройность ее стана.

Императрица Екатерина Алексеевна, будучи по происхождению немецкой принцессой, в пятнадцатилетнем возрасте приехала в Россию и, приняв православие, вышла замуж за наследника российского престола Петра Федоровича. В тридцать три года вступив на русский престол в результате дворцового переворота, во время которого был низложен ее муж Петр, вот уже тридцать лет единовластно управляла огромной Российской империей. Будучи довольно влюбчивой, Екатерина часто меняла любовников, которых за время ее жизни уже насчитывалось более двух дюжин. Фавориты государыни всегда щедро вознаграждались за свои труды и

спустя несколько месяцев или лет покидали ее опочивальню.

Лишь двум мужчинам удалось на длительный срок удерживать изменчивое сердце государыни и получить от Екатерины Алексеевны безграничную власть и могущество. Одним из них был Григорий Орлов, который помог Екатерине вступить на престол, а вторым – князь Потемкин, который теперь имел в Российском государстве влияние почти равное с самой императрицей. Остальные фавориты были лишь красивыми недолговечными любимцами в покоях государыни и особого влияния на политику не оказывали. Последнего же, Платона Зубова, которому было немногим более двадцати лет, нисколько не смущала разница в возрасте со стареющей государыней, ибо он стремился надолго остаться подле Екатерины Алексеевны и жаждал получить такую же безграничную власть, как и Потемкин. В эту пору императрица обожала своего нового возлюбленного и осыпала его щедрыми милостями в виде денег, земельных угодий, крепостных и драгоценных подарков.

Машенька прошла и, чуть поклонившись, почтительно остановилась в нескольких шагах от сидящей за туалетным столиком императрицы. Екатерина Алексеевна, уже причесанная и облаченная в прелестное платье из дорогой шелковой ткани, пару раз щипнула свои щеки и тяжело встала.

– У вас будут поручения для меня, Екатерина Алексеевна? – вежливо спросила девушка, когда государыня обратила на нее внимательный взор.

– Да, как и обычно, Маша. Будь добра приberi на моем секретере, а то я поутру сочинительствовала да разбросала там бумаги. Да еще в комоде моем разложи все как следует, а то сегодня я никак не могла найти пару от голубых чулок. Этот Михайло, как ни говори ему, все по одному складывает.

– Хорошо, Екатерина Алексеевна, – кивнула девушка, осознавая, что императрица недовольна своим камердинером.

– Еще надо будет съездить в несколько богоугодных заведений. Валериан Иванович тебе скажет в какие, мы вчера с ним это обсуждали. Надо узнать, не нужно ли им что-нибудь. Составь список, что им надобно, а я посмотрю, что мы сможем пожертвовать. Ну, это на неделе, как время у тебя будет.

– Да, конечно, я съезжу, как вы велите, – кивнула Маша.

– Все, пойду. А то в девять совет меня дожидаться будет, – сказала императрица и направилась к двери. – Да не забудь свечки в канделябрах сама поменять, а то Михайло опять огарки оставит да фитиль не так обстрижет. А ты знаешь, как я люблю.

– Все сделаю, не беспокойтесь, Екатерина Алексеевна.

– После обеда ты мне не нужна будешь, потому можешь поехать по моему поручению. А завтра поутру я жду тебя.

Императрица направилась к двери и, уже взявшись за дверную ручку, добавила:

– Ах да, чуть не забыла. Ты подбери мне, душенька, что-нибудь почитать, а то я вчера книжку-то закончила, а ночью

уже не с руки было за новой посылать.

– Что-нибудь из французских философов, как вы любите?

– Да. Можно Вольтера, давно его не перечитывала. Да пару романов, подбери что-нибудь на свой вкус про заграничные страны.

– Слушаюсь, ваше величество, – поклонилась Маша, когда императрица уже почти вышла.

Более за весь день Маша не видела Чемесова. Однако около трех часов, едва она вернулась во дворец из сиротского приюта, слуга передал ей записку от молодого человека. Григорий просил ее о встрече в зимнем саду дворца недалеко от их тайного убежища. Девушка, отметив, что до парадного ужина еще есть пара часов, быстро переоделась в светлое парчовое платье с довольно глубоким вырезом и, захватив белую вышитую шелковую шаль, поспешила к назначенному месту.

Чемесов уже ждал ее. Неизменно в своем зелено-красном мундире измайловского полка, в высоких сапогах-ботфортах и небольшом белом парике, он, как и обычно, показался Машеньке весьма эффектным и вызывающе притягательным. В этот час в уединенном зимнем саду дворца было тихо и безлюдно, ибо придворные готовились к предстоящему грандиозному празднеству, которое должно было состояться в парадных залах через пару часов.

Едва услышав легкие шаги девушки, Григорий быстро

обернулся. Она приблизилась, отмечая, что он раскинул руки, видимо, приглашая ее в свои объятия, и по-мальчишески призывно улыбнулся. Однако Маша отчетливо помнила, как поутру видела его в компании молодых фрейлин и как он кокетничал с ними. Оттого девушка остановилась в двух шагах от молодого человека и холодно строго взглянула на него. В одном из французских романов, которые она прочла за последние месяцы, описывалось, как надобно наказывать молодого человека, если он провинился. И Машенька именно это и собиралась сделать. Она поджала губки и безучастно произнесла:

– Здравствуйте, Григорий Петрович.

Чемесов удивленно опустил руки, и улыбка исчезла с его красивого лица. Он сделал шаг к девушке и, заглядывая ей в глаза, проворковал:

– Вы обижены на меня, Машенька? И отчего же?

Она упорно молчала и даже отвела взор в сторону. Нахмурившись, Григорий осторожно ухватил девушку за локоть и увлек в тенистое уединенное место. Усадив Машу на ажурную скамью, он сел рядом и настойчиво поинтересовался:

– И что случилось, красавица моя?

– Я не пойму, господин Чемесов, зачем вы назначаете мне свидания, тогда как я знаю, что вы прекрасно проводите время без меня в компании фрейлин, – произнесла она недовольно, бросая на него пытливые и укоризненные взоры.

– Каких еще фрейлин, Маша? Ну в самом деле, я ничего

не пойму из ваших слов, – недовольно бросил молодой человек. – Объясните все толком!

– Поутру вы кокетничали с Сашенькой Протасовой и Софьей Орловой в парадном коридоре дворца. Я все прекрасно видела.

– Ах, вы про этих, – понял Чемесов и, притиснувшись к девушке всем телом, обвинил ее стан сильной рукой, добавив более интимно: – Да ты краше их всех. Они мне вовсе не нужны.

– Однако вы, сударь, смеялись с ними и были весьма рады их обществу, – холодно добавила она, убирая его руку со своего стана.

– Это не так, Маша. Что ты, в самом деле? – уже возмущился Григорий, поджав недовольно губы. – Что ж, по-твоему, я и поговорить ни с кем не могу? Эти твои ревности просто смешны.

– Ах, вам смешно? – опешила девушка и, вскочив на ноги, попыталась уйти. Но молодой человек быстро обхватил ее стан руками и властно усадил Машу к себе на колени. Она попыталась сопротивляться, но Чемесов сильнее прижал ее к себе и приказал:

– А ну, успокойтесь, Мария Кирилловна!

– Григорий Петрович, я не желаю сидеть на ваших коленях, – возмутилась она, все еще пытаясь вырваться. Григорий испугался, что вся его двухмесячная осада Озеровой в один миг может закончиться неудачей, и он не сумеет вы-

полнить задание, которое поручили ему княгиня Д. и князь Потемкин. Потому решил немедленно спасать положение. Уткнув лицо в ушко девушки, Чемесов как можно ласковее проворковал:

– Повторяю тебе еще раз, не нужны они мне вовсе. В моем сердце только ты, моя красавица. – После этих слов Маша прекратила вырываться и замерла. Григорий понял, что он на верном пути и продолжал: – Просто эта Протасова так и вешается на меня. А мне она совсем не нравится. Но ты же знаешь, что ее отец может попортить мое положение при дворе. Вот и приходится притворяться, что она мне интересна. Но без ума я только от тебя, моя несравненная.

Григорий говорил что-то еще, оправдываясь и увещевая. А затем как-то незаметно перевел разговор на тему прелестей Машеньки. И спустя некоторое время девушка, простив молодого человека, уже позволила ему себя поцеловать. А далее она, так и сидя на коленях Чемесова, пылко отвечала на его поцелуи пухлыми губками, обвив его шею руками. А он, воодушевленный и окрыленный тем, что девушка смиростивилась, шептал ей о том, как она желанна и нежна. Уже стянув с ее плеч шаль, Григорий смело ласкал пальцами шею и выступающие над низким вырезом платья грудки, то и дело сжимая приятные округлости девушки. Она же, опьяненная его близостью и словами, позволяла ему делать все, что он хотел, и лишь нежно целовала губы и лицо, трепеща всем телом в его объятиях. В какой-то миг Григорий, решив, что

настал тот самый момент, когда он может полностью подчинить себе эту наивную пташку, чуть отстранился от ее губ и страстно прошептал:

– Вы так сладки для моего сердца, Машенька. Мне даже кажется, что я люблю вас.

Девушка замерла от его слов. И внимательно чистым искренним взором посмотрев в его карие, невероятно красивые и любимые очи, пролепетала:

– Это правда?

– Ну да, я думаю, что это действительно так, – кивнул Чемесов, прекрасно осознавая, что не любит ее, но понимая, что ради порученного ему дела готов это сказать. Так как в голове Григория давно родился некий план, как заставить девушку сделать то, что было надобно. Он знал, что после того, как он полностью соблазнит Машеньку и завладеет ее телом, она станет более послушной и покладистой. Ибо, потеряв девственность, будет полностью зависеть от его милости и ждать, когда же он женится на ней. И тогда можно будет вертеть ею, как ему вздумается. Так думал Чемесов в эту секунду и потому вновь заставил себя повторить свои лживые слова. – Да, именно так. Я люблю вас, Маша.

Лишь на мгновение замерев от счастья, девушка сама впилась губами в рот молодого человека, страстно поцеловав его, а затем как-то по-детски рассмеялась. Спустя миг она отстранилась и невольно обвела радостным взором окружающие их чудесные раскидистые растения и цветники. Птицы,

жившие в оранжерее зимнего сада, громко выводили свои трели. Вечернее солнце пробивалось ослепляющими лучами через огромные окна и согревало своим теплом. В воздухе как будто витали любовь и счастье. Девушка уже представляла, как Григорий нынче скажет, что будет просить ее руки у батюшки и уже вскоре они поженятся. И заживут одной семьей. И он, Чемесов, такой красивый, эффектный и притягательный непременно станет ее мужем и зачнет в ее лоне много детей.

– Вы тоже очень дороги мне, Григорий Петрович, – ответила счастливо она.

– Могу я прийти сегодня ночью к вам в комнату, Машенька?

– Ночью? – спросила девушка страстно дыша, еще опьяненная ласками Чемесова.

– Да, моя красавица, ночью. Мне надобно поговорить с вами об одной очень важной вещи.

Со стопроцентной вероятностью Маша знала, что Григорий намерен обсудить с ней дату венчания и то, как лучше поговорить с ее отцом. И оттого смущенно, но воодушевленно произнесла:

– Хорошо, приходите, Григорий Петрович. Я буду ждать вас после девяти...

– Я непременно приду, моя красавица, – проворковал он и вновь впился в ее губы, довольный тем, как все хорошо устроилось, и что уже вскоре он получит от девушки то, что

ему надобно. А ее сладкое девственное тело будет приятным подарком в его важном деле.

Заранее заготовив нужные речи и слова, Чемесов, едва Машенька распахнула перед ним дверь, прямо с порога заключил девушку в объятия и проворковал:

– Любовь моя. Я так долго ждал этого.

Девушка не успела опомниться, как оказалась в омуте его пылких губ и нетерпеливых рук, которые ласкали и разминали ее тело. Непонятно как Машенька уже через несколько мгновений очнулась на постели. Небольшой испуг девушки был подавлен неистовым напором молодого человека. Шепча о ее красоте и соблазнительности, Григорий проворно начал стаскивать с нее легкое домашнее платье, которые было надето на девушке без корсета и нижних юбок.

Все произошло быстро и неожиданно. Машенька предполагала, что интимная близость может произойти сегодня, и оттого готовила для Григория убеждающую речь о том, что хочет сохранить свою чистоту до свадьбы. Но одурманенная пылкостью и страстными речами молодого человека, она, опьянев от его близости, позволила ему зайти дальше в своих горячих ласках. И Чемесов, воспользовавшись ее замешательством и неистовой влюбленностью, проворно овладел ее телом, лишив девушку нежной невинности и став ее первым мужчиной.

Когда Маша пришла в себя от напора Григория, она от-

метила, что молодой человек лежит между ее раскинутых ног и не двигается, а его широкие плечи возвышаются над нею. Он в упор смотрел в ее лицо, смущая горящим и каким-то собственническим взором. И девушка, еще помня его стремительные движения в своем лоне несколькими минутами ранее, смущенно отвернулась, уткнувшись лицом в его запястье. Между ног саднило и было невозможно влажно. И она понимала, что Григорий теперь лишил ее чистоты, и она стала его любовницей. Однако этот факт хоть и смущал девушку, но не настолько, чтобы сильно переживать, ведь она знала, что Гриша любит ее и вскоре они поженятся. За несколько месяцев службы при дворе девушка слышала не одну такую историю о том, как девицы-фрейлины отдавали свою чистоту женихам накануне свадьбы и потом даже не сожалели об этом.

Григорий потряс головой и, окинув лицо Машеньки страстным взглядом, глухо попросил:

– Посмотри на меня.

Она послушно повернула лицо и как-то пронзительно посмотрела на него. Он улыбнулся и спросил:

– Все хорошо?

– Я не думала, что все так произойдет, – пролепетала она вдруг.

– Да ничего и не произошло, – как-то самодовольно заметил Чемесов, откидываясь на постель рядом с нею и увлекая девушку к себе на грудь. – Ты стала моей полностью. Я это-

му весьма рад.

– Тебе понравилось? – вдруг спросила она, нежно перебирая пальчиками темную поросль на груди молодого человека.

От фрейлин Машенька знала, что мужчины очень ревностно относятся к интимной части отношений. И когда что-то идет не так, мужчина может даже бросить девушку, если вдруг ему будет «скучно в постели». Машенька не знала, что значит эта фраза «скучно в постели», которую слышала от фрейлин, но чуть ранее, когда Григорий ласкал ее, старалась тоже отвечать, чтобы понравиться ему. Ведь девушка очень сильно хотела угодить молодому человеку, потому что в ее сердце теперь жило трепетное, неистовое любовное чувство к Чемесову.

Опешив от ее прямого вопроса и понимая, что, скорее всего, Маша еще очень наивна, как ребенок, раз так напрямую спрашивает об этом, он глухо прокашлялся и тихо ответил:

– Весьма, весьма. Ты, моя красавица, была очень нежна.

Он вальяжно гладил ее шелковистую попку широкой ладонью и как-то довольно улыбался, словно насытившийся кот. Григорию весьма понравилась близость с малышкой, ибо она оказалась на редкость страстной. Да, она поначалу была немного зажата и сильно смущалась, когда при самых интимных ласках он смотрел ей в глаза. Потому опускала взор или прикрывала глаза. Но все же, видимо, пытаясь отве-

чать на его пылкость, она сама старалась целовать его и даже ласкала руками. Он понимал, что Машенька еще очень юна и неопытна, и для первого раза она была очень даже хороша.

Довольно улыбнувшись, девушка, облегченно выдохнула и сказала:

– Я люблю тебя. Я еще не встречала мужчину более красивого, чем ты.

Слова девушки понравилась молодому человеку, и он ласково провел рукой по ее темноволосой голове с распущенными волосами. Он лежал и обдумывал, как завести нужный разговор, чтобы склонить ее к тому, что было нужно его покровителям. Наконец подобрав нужные фразы, Чемесов громко выдохнул и начал хорошо отрепетированную речь.

– Теперь мы всегда будем вместе, – сказал властно Григорий. Но он прекрасно помнил, зачем он затеял все это соблазнение. И оттого добавил красивую поэтичную фразу. – На небе, отныне мы муж и жена.

В следующий миг девушка приподнялась над ним, и как-то доверчиво и счастливо заглядывая в его глаза, пролепетала:

– А когда мы обвенчаемся?

– Как можно скорее, красавица моя, ибо я жажду этого всем сердцем, – кивнул он, поласкав ее щечку. Чемесов знал, что не собирается этого делать, но отчего было не порадовать этими словами малышку, которая оказалась такой сговорчивой и покладистой и так страстно отдалась ему. К тому же

ему надобно было уговорить ее на нужное дело. Так отчего бы не солгать, чтобы она осталась довольна? – Но есть одно обстоятельство, которое может помешать нашему счастью.

– Какое же? – спросила Машенька.

– Батюшка велел мне жениться, только когда я получу звание капитана гвардии и смогу иметь достойное жалованье по седьмому рангу, чтобы должно содержать семью.

– Твой батюшка, наверное, прав.

– Я стараюсь получить этот чин, и князь Потемкин обещал мне его еще осенью. Но в последний момент вмешался один человек, который является моим врагом и строит козни за моей спиной. И пока этот человек жив, мне никогда не получить новый чин, да и вообще, я опасаюсь за свою жизнь.

– Боже, Гриша, ты говоришь о каких-то странных вещах, – прошептала она.

– Ты станешь моей женой, Машенька, и я не хочу ничего скрывать от тебя. Когда-то давно я оступился по молодости и совершил страшный грех. За который теперь расплачиваюсь, и мой палач именно этот человек.

– Расскажи мне все, я постараюсь понять тебя.

– Но это очень неприятная история.

– И все же, Гриша, расскажи, прошу.

– Так и быть. Некогда я был влюблен в одну девушку, тогда мне было всего восемнадцать лет. Ее звали Оленька, и она была очень красива. Она также любила меня. Мы так любили друг друга, что вскоре стали близки. Однако об этом

стало известно ее брату. И он вызвал меня на дуэль, заявив, что я обесчестил его сестру. Я согласился драться, но в последний момент нас остановил отец Оленьки. Узнав всю печальную историю, Олю быстро выдали замуж. А мне велели молчать о случившемся. Но с той поры брат Ольги возненавидел меня и поклялся сделать все, чтобы я кровью заплатил за бесчестье его сестры. Поэтому он вредит мне при любой возможности. Благодаря его усилиям, меня уволили со службы из Семёновского полка. Но князь Потемкин, мой покровитель, помог и устроил меня адъютантом к его высочеству, дал службу в Измайловском полку. Но брат Ольги все равно жаждет мести, и, едва мы встречаемся, по-прежнему угрожает мне. Я не буду спокоен, пока этот человек жив, и также ненавижу его. Из нас двоих должен жить только один.

– И как зовут этого человека? – замирающим от испуга голосом, спросила девушка.

– Платон Зубов.

– Боже! Любимец нашей императрицы?

– Да. Вот отчего я и говорю, что моя жизнь висит на волоске. У Зубова теперь неограниченная власть, в любой момент он может навлечь на меня беду, императрица издаст приказ о моем аресте, и я буду заключен в тюрьму. На прошлой неделе именно это заявил мне с угрозой Зубов, когда мы случайно столкнулись на одном из балов.

– Какой ужас.

– Да это весьма печально.

– Но ведь что-то все же можно сделать, Гришенька?

– Вот если бы Зубова не стало, тогда бы я смог быть спокоен за свое будущее и жизнь. Возможно, ты, моя красавица, помогла бы разделаться с ним, и тогда бы уже ничто не помешало нашему счастью.

– Но как?

– Ты бы могла подложить в его комод некую вещь, пропитанную ядом. И когда...

– Не продолжай, Гриша, – выдохнула в ужасе Машенька, прикрыв его рот ладошкой. – Я не смогу этого сделать. Погубить человека, это же грех!

– А ежели он первый погубит меня, Маша? Разве ты совсем не любишь меня? Я бы сам сделал это. Но у меня нет доступа к покоям императрицы, из которых можно пройти в комнаты Зубова, а у тебя есть. Да никто и не заметит, что вещь подложила ты. Я научу, как все тихо сделать.

– Нет, я не смогу, – отрицательно замотала головой девушка, и в ее больших глазах отразился ужас.

– Но, Маша, подумай, когда его не станет, мы сможем пожениться. Ведь только он мешает нашему счастью.

– Нет, Гриша, это невозможно...

Глава III. Кровавый платок

Санкт-Петербург, Невский проспект,
1790 год, Апрель, 29

– Екатерина Семеновна, она согласилась, – тихо вымолвил Чемесов, устремив мрачный взор на княгиню Д., которая сидела напротив него в карете.

– Обнадеживающая новость, Григорий! – воскликнула порывисто княгиня. – И как тебе это удалось? Хотя мне это неинтересно. Главное, чтобы Озерова подложила нужный платок в комод Зубова, и все. А там посмотрим, как быстро он встретится с Создателем.

– Вы должны мне все рассказать подробно, Екатерина Семеновна, – заметил глухо молодой человек.

– На днях я передам тебе небольшую коробку. В ней будет отравленный платок. Озерова должна тайком положить эту вещь в комод Зубова, как-нибудь сверху, чтобы он как можно скорее воспользовался ей. Ибо яд с каждым днем будет менее опасен.

– Платок нельзя брать руками?

– Естественно, – кивнула княгиня, поморщившись. – В коробке сверху, в холщовом мешочке, будут лежать перчатки, именно ими надо брать платок.

– Я понял.

– Да и еще. Скажи девчонке, что, когда начнутся разбирательства, она должна молчать как рыба. Иначе ее тоже придется убрать.

– Я все объясню ей.

– Да уж, голубчик, объясни.

На мгновение Чемесов задумался и вдруг осознал, что ему будет не по себе, если вдруг малышку Машеньку в чем-то заподозрят. Конечно и ранее он знал, что это весьма опасное дело, девушку могут легко выследить и арестовать, но тогда его это мало волновало. Да, изначально, при первом знакомстве на лестнице он искренне проявил к девушке интерес, но скорее как к изысканному произведению искусства, каковым являлась ее чарующая красота. А потом он как будто играл спектакль, соблазняя ее и желая угодить своим покровителям Потемкину и княгине. В последние два месяца Григорий проводил с ней чудесные страстные ночи по два раза на неделе, когда она бывала свободна от своих обязанностей в покоях императрицы. И сейчас, состоя в близких интимных отношениях с Машенькой после ее искренних и наивных слов о любви, Чемесов ощущал, что в последнее время в его сердце поселился страх за эту милую и юную девушку, ведь она может пострадать во всей этой опасной истории. И его искреннее желание защитить Машу в эту секунду вдруг вылилось в странную фразу-ультиматум, что он бросил княгине:

– Вы, многоуважаемая Екатерина Семеновна, должны по-

обещать мне, что Озерова не пострадает.

Долгим внимательным взором княгиня посмотрела на молодого человека, пытаясь прочитать на его лице тайные мысли. Княгине Екатерине нравился Чемесов, и она вот уже три месяца подряд пыталась манящими взорами показать Григорию, что он весьма привлекателен в ее глазах. И даже делала недвусмысленные намеки на то, что была бы очень не против, если бы он стал понастойчивее и попытался хоть раз остаться в ее дворце на ночь. Княгиня осознавала, что была практически в два раза старше молодого человека, но, по ее мнению, имела два главных привлекательных достоинства: деньги и влияние. И в благодарность она могла бы продвинуть молодого человека так высоко, как только он мог бы помыслить. Чемесов же как будто не замечал ее призывных взглядов и намеков и лишь твердил, что хочет служить делу тайного масонского ордена, в котором они состояли. И теперь слова молодого человека вызвали раздражение у княгини. Она ощутила его искренний интерес к юной Озеровой, раз он решился просить о подобном. Княгиня осознала, что игра Григория «в любовь» не прошла даром, и молодой человек действительно влюбился в эту девчонку.

– Она привлекает тебя? – спросила тоном инквизитора княгиня и, облизнув пересохшую верхнюю губу, плотоядно уставилась на молодого человека. – Нравится она тебе?

Чемесов замялся, невольно отметив недовольство княгини.

– Не то чтобы нравится, – соврал он и, придумав правильный ответ, добавил: – Просто мне жаль ее. Она так молода. Ей ведь только восемнадцать исполнилось.

– Молодость – единственное ее преимущество, – желчно процедила княгиня, про себя добавив слова «передо мной». Однако по тому, как засуетился Григорий, и как быстро он опустил загоревшийся вмиг взор, княгиня сразу же поняла, что он влюблен в Озерову. Тут же занеся девушку в список своих соперниц за расположение молодого человека, княгиня в душе мгновенно вынесла Озеровой смертный приговор. Но она понимала, что надо усыпить бдительность Чемесова, чтобы их тайное мероприятие не сорвалось. Если все пройдет хорошо, она устранил Зубова и заслужит тем самым благодарность и почести Потемкина, уже потом, когда Озерову, конечно же, поймают и арестуют, она, Екатерина, сделает все, чтобы девчонку уморили в тюрьме. Чемесов, конечно, тоже может оказаться под арестом, размышляла княгиня, но его-то, имея безграничное влияние на государыню, она сумеет выволить из тюрьмы. Но всего этого она не собиралась озвучивать молодому человеку и высокомерно заметила: – Я постараюсь, чтобы Озерову не заподозрили.

– А если все же ее арестуют?

– Тогда, наш орден сделает все, чтобы выволить ее из тюрьмы. Ведь она послужит общему делу.

– Это хорошо, – с облегчением заметил Григорий и чуть улыбнулся княгине. – Значит, вы обещаете, Екатерина Се-

меновна, в опасном случае заступиться за Машу?

– Ты сомневаешься в моих словах? – уже недовольно буркнула княгиня, раздраженная тем, что мальчишка так ярко защищает эту девчонку, которая не заслуживает его благосклонности.

– Нет, но...

– Все, довольно, – прервала его княгиня. В этот миг карета остановилась у казарм, и Екатерина, отметив это, добавила: – Я пришлю посыльного с письмом и дальнейшими указаниями.

– Слушаюсь, ваша светлость, – кивнул Чемесов.

– А теперь ступай, – велела властно княгиня и отвернулась к окну, более не желая смотреть на неблагодарного Григория, для которого она столько сделала, а он, видите ли, переживал за эту смазливую Озерову, которая едва появилась при дворе.

Чемесов поклонился и без промедления спрыгнул с подножки кареты.

Санкт-Петербург, Зимний дворец,
1790 год, Май, 5

В тот вечер Григорий появился в комнате Маши поздно. Едва раздался условный стук, девушка проворно вскочила на ноги и распахнула дверь. Она хотела упасть, как и обычно, в объятия молодого человека, но Григорий, держа в руках

небольшой сверток, вошел в комнату и быстро произнес:

– Маша, закрой быстрее дверь.

Девушка послушно выполнила приказ и тут же обернулась. Григорий подошел к комоду и осторожно положил сверток на деревянную столешницу из темного дерева.

– Что это, Гриша?

– Здесь то, о чем мы говорили с тобой на прошлой неделе, – он осторожно раскрыл коробку и, указав глазами внутрь, сказал: – У коробки двойное дно. Вот, сверху лежат перчатки. Ты наденешь их и только после этого дернешь за ленты, вот здесь видны они сбоку, тогда откроется потайное дно. Там лежит платок. Осторожно возьмешь его и положишь сверху вещей Зубова. Ты ведь говорила, что он ежедневно берет новый платок?

– Да, Екатерина Алексеевна как-то упоминала об этом.

– И проследи, чтобы прислуга не полезла в его комод.

– Его камердинер прибирает по вторникам и субботам в его комнатах, насколько я осведомлена. Можно положить его во вторник днем, тогда будет еще целых три дня.

– И ты же сможешь пройти в его комнаты тайком, чтобы никто не видел?

– Смогу. Из покоев императрицы ведет потайная лестница к нему в спальню, на первый этаж. Всего минута, и я там. Я иногда прибираю на его письменном столе, причем когда его нет в комнате, поскольку императрица очень ревнует своего любимца. Ее личный камердинер или она сама сообща-

ют, когда мне можно войти в комнаты.

Быстро вскинув взгляд на девушку, Григорий нахмурился, осознавая, что, если императрица и ее окружение знают, что Машенька прибирается на столе Зубова, тогда это действительно очень опасно, и она наверняка будет в числе первых подозреваемых после отравления Зубова. Чемесов судорожно сглотнул от этих неприятных мыслей и внимательно посмотрел на девушку. Отчего-то впервые за все время знакомства с Машей он начал сомневаться в том, стоит ли втягивать ее в эту страшную игру, все-таки она была так молода и наивна. И Григорий прекрасно знал, что она очень сильно любит его, только из-за этого Машенька согласилась на этот безумный, опасный поступок. Испытывая сомнения и неприятное чувство жалости к ней, молодой человек вдруг резко захлопнул коробку и, вскинув на девушку отчаянный взгляд, тихо произнес:

– Хотя, Маша, я думаю, ты можешь отказаться от всего этого.

– Ну как же, Гриша? Ты же сказал, что Зубов угрожает тебе, и другого выхода нет.

Нахмурившись, Чемесов отчетливо понял, что более нельзя вливать сомнения в чувствительную душу девушки, а то она и вправду откажется от всего этого тайного плана. Но он помнил, кто поручил ему это, и опасался, что влиятельные люди могут разгневаться. А ведь Чемесов надеялся на их дальнейшее покровительство и быстрое продвижение по

службе, обещанное ему за удачный исход щекотливого дела. Тут же его железная воля отсекала ненужные сомнения, и он тихо твердо произнес:

– Если ты поможешь мне, Маша, я буду век благодарен тебе.

– Я же обещала, – кивнула с горячностью девушка и, взяв в руки коробку и переставив ее под кровать, добавила. – Я все сделаю, Гриша, как ты просишь. Ведь я боюсь за тебя.

– Да, и запомни, никто не должен тебя видеть.

– Я понимаю.

Она повернулась к нему, Чемесов проворно заключил девушку в объятия и, уткнувшись лицом в ее мягкую волнистую чуть напудренную прическу, глухо сказал:

– Будь осторожна и бери все только перчатками.

– Да, я поняла.

– И еще. У тебя будет всего восемь дней, далее яд потеряет силу.

– Хорошо, – кивнула она. Она подняла на него глаза и, видя его напряженное лицо и мрачный взор, тихо добавила: – Я все сделаю, Гришенька, не волнуйся. А после уже ничто не помешает нам быть вместе, ведь так?

– Да, – кивнул он и как-то печально улыбнулся.

Она расцвела в ответ и приникла губами к его подбородку.

– Я хотела тебе открыться, Гриша.

– В чем же? – спросил напряженно он, все еще не в силах

расслабиться от мысли, что подвергает эту наивную, юную пташку такой страшной опасности. Совесть, которая отчего-то проснулась в душе Григория в последние несколько дней, не давала спокойно воспринимать эту ситуацию.

– Я тяжела, – пролепетала Машенька так тихо, что он почти не расслышал. Чемесов тут же обхватил пальцами подбородок девушки, приподняв ее лицо. Вперив напряженный жесткий взор в ее глаза, он выдохнул:

– Ты ждешь дитя?

– Да, Гриша, уже два месяца...

– Машенька, красавица моя, как же так? – неприятно удивился молодой человек, опешив от слов девушки. Чемесов напрягся всем телом, осознавая, что эта связь, которая была задумана его покровителями с целью устранения Зубова, нынче еще осложнилась тягостью Озеровой. Тут же все существо Григория в негодовании возмутилось, он понимал, что не желает жениться на девушке. Ведь он и соблазнял ее только с определенной целью. Но его сердце отчего-то сильно застучало и затвердило, что Машенька далеко не безразлична ему, и что его долг как порядочного человека непременно взять ее замуж. Отметив на лице молодого человека сомнения, мрачность и напряженное размышление, девушка тихо спросила:

– Ты не рад?

Чемесов долго молчал, не зная, как ответить на этот вопрос, отчего-то ощущая в душе два противоречивых чув-

ства. Он не был в восторге от ее теперешнего положения и признания, но в то же время осознавал, что ни девушка, ни ребенок не виноваты в настоящем положении вещей. И только он сам был повинен во всем. Он должен был сдерживать свои порывы и контролировать ситуацию, как от него требовала княгиня Д. Но он в последние месяцы так увлекся прелестницей Машенькой, что совсем забыл про осторожность и с каждой последующей неделей думал о задании как о некоем неприятном недоразумении, которое решится само собой. Но в прошлую неделю княгиня велела надавить на девушку, и по ее указке он так и сделал. И сейчас Маша была безмерно влюблена в него, в тягости, и в то же самое время он отдавал ее, словно на заклатие, ордену, в котором состоял, и в котором княгиня Д. занимала ведущее место и требовала от него осуществления плана. И все эти гнетущие мысли в этот миг терзали, жгли и мучили молодого человека, он не знал, как все это разрешить наилучшим образом.

Григорий скорчил трагичную мину и глухо произнес:

– Отчего же, я рад, но это все так неожиданно.

– Я тоже испугалась, когда лекарь сказал мне об этом. Но ведь мы, наверное, должны пожениться?

– Ну да, конечно, – кивнул он. – Но ты понимаешь...

– Да, я знаю. Сначала я должна отнести платок, а потом уже и венчание. Так? – спросила она так наивно и просто, что Григорий похолодел до кончиков пальцев ног.

– Так, – глухо вымолвил он, более не в силах смотреть

в ее чистые прелестные глаза, понимая, что сам лицемерит, врет и использует ее. Но если он откажется теперь от выполнения задания ордена, задания, которое они так долго готовили, властелины этого ордена не только лишат его всех званий и денежного содержания, но и навсегда закроют дорогу в высшие круги знати. И уже более никогда ему не представится возможность возвыситься и занять должность при дворе. Желая забыть все это жуткое, прекрасное, опасное и сладостное настоящее, Чемесов впился ртом в губы Маши и сильно прижал ее к себе. Лишь спустя несколько минут, ощущая сильное возбуждение, он тихо прошептал у ее губ. – Все у нас будет, красавица моя, я обещаю тебе...

– Гришенька, я люблю тебя, – ответила счастливо девушка.

В следующий миг Григорий подхватил Машу на руки и понес к кровати.

Санкт-Петербург, Зимний дворец,
1790 год, Май, 8, утро

Два долгих дня Машенька терзалась, сомневалась и страшилась принести платок в комнаты Зубова. Да, девушка не испытывала никаких чувств к Платону, ни положительных, ни отрицательных. И перебороть себя и погубить его, было для нее просто невыносимой задачей. Впервые, когда Григорий предложил это, она испугалась и тут же отвергла его жут-

кую просьбу. Но потом, думая и терзаясь, девушка осознала, что жизнь и спокойствие Григория для нее важнее угрызений совести и беспокойства собственной души, которая после душегубства наверняка окрасится в темные краски греха. Ее любовь к Чемесову стала бескрайней, ибо она была больна им. День и ночь Машенька думала о молодом человеке. Она исполняла все его желания, отвечала взаимностью, когда он хотел целоваться или миловаться в постели. Делала все, чтобы угодить. Она улыбалась при нем и постоянно была в хорошем настроении. Ласлилась, словно нежная кошечка, и ворковала на ухо ласковые слова. Его близость, слова, взор были необходимы ей как воздух, и едва ли она могла выдержать в разлуке с ним более суток.

Оттого спустя некоторое время, Маша начала задумываться, а может и правда угодить Грише и помочь ему избавиться от ненавистного Зубова, который преследовал его? И постепенно эта мысль стала в ее существе окрашиваться в притягательные правильные тона, сердце трепетно твердило, что ради любви к Грише она должна поступить именно так. По своей наивности девушка думала о том, что после ее поступка и помощи в устранении Зубова, Гриша поймет, как сильно прикипел к ней, и тоже сможет полюбить ее гораздо больше, нежели сейчас. Вскоре эти мысли о скором счастливом будущем поселились в голове Маши, и уже к исходу апреля она свыклась с мыслью о том, что непременно должна помочь Чемесову избавиться от его заклятого врага Зубова.

К тому же она носила под сердцем дитя, которое уже обожала и боготворила, как и его отца. Она понимала, что отныне ее жизнь будет неразрывно связана с Григорием, а после устранения Зубова уже никто не сможет помешать их взаимной любви и счастью.

В тот день она встала ранее обычного, около пяти утра. Быстро выбрав простое платье и стянув волосы на затылке в простую прическу, называемую «цветок-корзинка», она проворно вышла из спальни. В ее руках было платье, завернутое в шелковый чехол, и создавалось впечатление, что девушка просто несет наряд по приказу государыни, забрав его из дворцовой прачечной. Но внутри широкого подола девушка спрятала ту самую заветную коробку, которую три дня назад передал ей Чемесов. Машенька прекрасно осознавала, как опасно и чудовищно то, что она собиралась сделать. Но в тот миг, когда девушка приблизилась к комнатам императрицы, в ее сердце неистово застучала мысль том, что она безумно, до дрожи в коленях любит Гришу, который теперь казался девушке идеалом мужчины и был для нее самым дорогим существом на этом свете. И ради того, чтобы он оставался доволен, она была готова на все.

Едва достигнув первой комнаты императрицы, которая являлась гостиной, Маша осторожно приоткрыла дверь и окинула взглядом залу. Та была пуста. Два камердинера Екатерины Алексеевны сегодня были отпущены в увольнение до вечера, а третий, Михаил Иванович, немного приболел и

должен был появиться только к обеду. Об этом знала Маша, именно оттого выбрала теперешнее утро для осуществления неприятного дела.

Она быстро прошла в гостиную в золотистых тонах, приблизившись к книжному шкафу, вытащила коробку и спрятала ее на одну из полок за книги. Далее девушка, захватив сверток с платьем, унесла его обратно в свою комнату. По дороге она встретила пару слуг, которые в этот утренний час уже сновали по дворцовым коридорам, не обращая на нее никакого внимания, и лишь молча кланялись ей.

Уже к восьми девушка вновь вернулась в гостиную государыни. Пройдя в кабинет, Машенька присела на бархатный стул, ожидая, когда от императрицы выйдет приближенная фрейлина, которая помогала Екатерине Алексеевне совершать утренний туалет. Через полчаса из будуара императрицы появился Платон Зубов. Как и обычно, надушенный и при параде, в своем камзоле с бриллиантовыми пуговицами, с напудренными темно-русыми волосами и жеманной, развязной улыбкой на устах, он медленно оглядел Машу и напыщенно произнес:

- Вы, дорогуша, как обычно, точны, словно часы.
- Добрые утро, Платон Александрович, – сказала почти-тельно Маша, чуть наклонив голову.
- Но толку от этого нету. Императрица еще не одета.
- Ничего я подожду, сколько потребуется, – спокойно ответила Маша, поднявшись на ноги и отходя к окну, делая

вид, что общество Зубова не занимает ее более.

Платон же скорчил кислую мину и медленно направился к выходу из кабинета. Однако, едва сделав пару шагов, он, не в силах сдержаться, вымолвил:

– Ваша надменность и высокомерие, госпожа Озерова, уродуют прелестные черты вашего лица и нрава и делают вас некрасивой.

Она резко обернулась и вперила в лицо молодого человека внимательный, холодноватый взор. В последнее время Зубов постоянно пытался уколоть ее словами, едва они встречались наедине или на людях. Да, это было нечасто, пару раз в неделю, но все же ей казалось, что Платон ищет повод, чтобы сказать ей нечто нелицеприятное и обидное, понимая, что при его нападении Маша не может ответить тем же. И девушка прекрасно знала, отчего Зубов травил ее. За ее холодность и за то, что она отказала ему во внимании еще два месяца назад. Но девушка не сожалела об этом, так как не собиралась ставить на одну чашу весов доверие государыни и интрижку с Зубовым, который был вовсе не в ее вкусе. К тому же самой Екатериной Алексеевной, которая неистово ревновала своего молодого фаворита, Платону было запрещено разговаривать с женщинами, но молодого человека, видимо, это несильно заботило, оттого он не упускал случая приударить за очередной девицей.

Чуть приподняв подбородок и напряженно посмотрев в глаза Платону, Маша тихо сказала:

– Моя красота не должна заботить вас, Платон Александрович, ибо она предназначена для моего будущего мужа.

Поджав губы, Зубов злобно взглянул на нее и, более не вымолвив ни слова, быстро вышел из кабинета. После его ухода Маша с облегчением вздохнула и вновь принялась ждать. Только около десяти от императрицы вышла ее приближенная фрейлина и велела Маше зайти. Девушка, как и обычно, получила наставления и поручения от Екатерины Алексеевны и около одиннадцати осталась одна в спальне императрицы.

Она слышала, как в соседнем, смежном кабинете государыня давала распоряжения одному из своих секретарей. В это время Маша прибирала постель императрицы и ее туалетный столик. Позже, едва дождавшись, когда Екатерина Алексеевна покинет свои покои и направится для трапезы в столовую, Маша проворно вышла из спальни государыни и отметила, что в кабинете никого нет. Она бегом промчалась в гостиную и достала из-за книг спрятанную коробку. Вихрем вернувшись обратно в опочивальню императрицы, девушка быстро отворила потайную дверь и прошла на винтовую лестницу, которая вела вниз, к покоям Зубова, находящимся на первом этаже дворца, под комнатами государыни.

Машенька влетела в пустую спальню фаворита и огляделась. Комод стоял сбоку от резного шкафа. Девушка прекрасно знала, что Зубов никому не позволял прибираться в своем белье. И сам раскладывал галстуки, чулки, нижние

рубашки, платки и другие вещи по ящикам. По его приказу слуги складывали чистые вещи сверху, на специально отведенную тумбу, а грязные подбирали с пола. Никому не позволялось прикасаться не только к комоду Зубова, но и к шкафу и кровати фаворита. Машенька подозревала, что в комод он хранит какие-то секреты или ценности, потому и существовал этот запрет. Но ей это было неинтересно. Однако о неприкосновенном комодe она однажды рассказала Чемесову, и, видимо, именно оттого Григорий велел ей подложить отравленный платок в это место, чтобы другие люди, кроме Зубова, не могли пострадать от яда.

Подойдя к резному комоду, Маша поставила коробку сверху и, медленно открыв ее ключом, подняла крышку. На несколько мгновений она замерла, глядя напряженным взором на холщовый мешочек внутри. Уже через минуту она дрожащими руками взяла мешочек и, медленно достав оттуда плотные белые перчатки, натянула их на свои тонкие ладони. Перчатки оказались невозможно большими и закрыли ее руки почти до локтей. Далее девушка, застыв над коробкой, потянула белые ленты, торчащие сбоку, и вытащила дно. В потайном отделении лежал небольшой шелковый кружевной платок, точно такой же, какие обычно использовал Зубов. Маша знала, что это его платок, ибо неделю назад также выкрала его из этого комода и отдала Грише.

Послышался шорох, и Маша затравленно обернулась, взглянув на приоткрытую в спальню дверь. Но никого не за-

метила. Опять стало тихо, и девушка напряженно выдохнула, подумав, что ей это только показалось.

Понимая, что времени мало и может вот-вот появиться кто-нибудь из слуг, девушка проворно выдвинула верхний ящик комода, где лежали носовые платки, а затем, одной рукой удерживая за ленты потайное дно, второй осторожно обхватила отравленный платок и мгновенно положила его поверх стопки. Быстро вставив обратно потайное дно, Маша стремительно начала стягивать перчатки с рук. Уже когда они оставались лишь на пальцах, она стащила одну перчатку, скинув ее в коробку, а вторую, чтобы не трогать ее руками, просто стянула, также кинув ее в шкатулку, и захлопнула крышку. Закрыв комод, девушка схватила коробку подмышку и устремилась вверх по потайной лестнице в спальню государыни.

Дверь в покои императрицы была чуть приоткрыта, и девушка, вихрем пролетев мимо, выскочила в кабинет Екатерины Алексеевны. И тут же налетела на камердинера Михаила, который в испуге ахнул. Замерев и мгновенно спрятав коробку за спину, Маша поздоровалась и, обойдя мужчину, пролепетала, что ей некогда, устремившись в примыкающую к кабинету гостиную. Спустя пять минут она прибежала в свою комнату, сжимая в руках коробку и думая о том, что в коридоре ей повстречалась только пара слуг, которые гасили свечи и даже не обратили на нее внимания.

С горящими щеками и дико стучащим сердцем Машень-

ка, без промедления сунув коробку под кровать, устремилась к кувшину с водой. Помыв руки несколько раз, она устало прислонилась к стене и тяжело выдохнула. Девушка понимала, что сделала все, что требовалось, и теперь оставалось лишь ждать. Однако времени долго находиться в комнате у нее не было, потому что по распоряжению императрицы следовало отправляться в Смольный институт, дабы переговорить с тамошней начальницей по вопросам, которые Екатерина Алексеевна означила час назад. Маша быстро переоделась в платье для визитов, надела верхний вышитый редингот, шляпку, ботиночки и перчатки и поспешила прочь из своей комнаты, намереваясь вернуться через пару часов и придумать, что сделать с коробкой.

Зимний дворец, 1790 год, Май, 8, день

Едва Машенька вошла в главный вестибюль Зимнего Дворца, как наткнулась на матушку. Анна Андреевна словно ожидала ее и, заведя дочь, проворно подошла к ней и взволнованно прошептала:

– Здравствуй, милая. Не виделись мы сегодня. Я дожидалась тебя. Мы должны немедленно возвратиться домой.

– Что-то случилось, матушка?

– Да, Машенька. Идем. У нас нет времени. Слава Богу, твой отец сегодня в увольнении. И я дожидалась только тебя.

– Но мне надо доложить императрице о моей поездке в

Смольный институт.

– Нет, не сегодня. Это опасно, – нервно выпалила старшая Озерова. – Идем, доченька. Я по дороге тебе все расскажу.

Анна Андреевна увлекла девушку на улицу. Уже через четверть часа Озерова с дочерью, преодолев просторную площадь перед Зимним дворцом, вышли на Невский проспект и поймали экипаж. Здесь, в закрытом от посторонних ушей пространстве, Анна Андреевна решилась все объяснить.

– Мария Фёдоровна, благотельница наша, теперь, около полудня, поведала мне, что готовится приказ на арест всей нашей семьи.

– На арест? – испуганно пролепетала Маша, и сердце девушки яростно забилося, так как внутренним чутьем она поняла, что это как-то связано с отравленным платком. Мария Федоровна была цесаревной и женой наследника престола Павла Петровича. Именно у нее и служила фрейлиной мать Маши.

– Да, милая. Оттого я вся на нерве. Мария Фёдоровна отметила, что Павел Петрович не знает всех подробностей, но ему доложили, что это как-то связано с фаворитом государыни нашей. Боюсь я, что отец твой, Кирилл Петрович, уж такой порывистый и несдержанный человек, сказал этому Платону Александровичу что-нибудь неприятное. Вот и осерчала на него императрица.

– Но, может батюшка тут ни при чем? – сказала Машень-

ка, холодея.

– Не знаю, милая. Мария Фёдоровна расстраивалась, что не может заступиться за нас, ибо власть Павла Петровича невелика, и он боится вызвать гнев матушки. Но Мария Фёдоровна милостиво позволила нам немедленно уехать из Петербурга, чтобы избежать ареста. Возможно, позже мы сможем вернуться. Я, едва все узнала, сразу же поспешила к тебе в спальню, душа моя. Так тебя уже не было. А все в твоей комнате перевернуто. Такое впечатление, что обыск проводили и что-то искали. И наверняка тайная канцелярия. Только не пойму, что они хотели найти у тебя, Машенька? Ума не приложу.

– И я, матушка, не знаю, – вымолвила Маша вмиг осипшим голосом, с дрожью осознавая, что не уничтожила опасную коробку из-под отравленного платка, намереваясь вечером сжечь ее, когда будет топить камин. Но теперь было поздно. Мрачные мысли завладели девушкой, поскольку она поняла, что распоряжение об аресте ее семьи связано с платком. Она начала лихорадочно размышлять обо всем. Надо было немедленно послать записку Григорию и спросить совета, как поступить дальше.

– Я сразу же отписала Сереже в казармы. И потребовала, чтобы он незамедлительно явился домой, – продолжала дрожащим голосом старшая Озерова. – Возможно, он уже дома, ведь уже темнеет. Да и Кириллу Петровичу записку отправила. Мы быстро соберемся и, надеюсь, к полуночи уедем.

Возьмем с собой только Гаврилу да Феклу, чтобы ехать двумя экипажами.

– А куда же мы поедem? – спросила дрожащим голосом девушка.

– Пока не знаю. Надо поговорить с Кириллом Петровичем. Возможно, в Тобольск, к дальним родственникам твоего отца. Но я бы вообще уехала за границу. А потом, может, Бог даст, гроза минует и вернемся в Россию.

– Как все печально, матушка. Отчего все так?

– И не говори, доченька, – заметила Анна Андреевна и вздохнула. – Что-то сердце опять колет с самого утра.

– Вам нехорошо, матушка? – озабоченно спросила Маша.

– Да ничего, пройдет, милая, не беспокойся. Просто очень тяжело переживаю я все наше положение...

Санкт-Петербург, Особняк Озеровых,
1790 год, Май, 8, вечер

Душный майский вечер окутал Петербург. Стоя у окна спальни, Анна Андреевна отодвинула занавесь и, вновь нервно оглядев двор, произнесла:

– Где же Сергей? Уже почти девять.

За ее спиной послышались шаги.

– Матушка, все собрано. Но батюшка отказывается ехать, – уведомила Маша.

– Я сама это решу, – кивнула устало Анна Андреевна. –

Прикрой плотнее дверь, доченька. Я хочу поговорить с тобой.

— О чем же?

Внимательно окинув любящим взглядом девушку и тяжело вздохнув, Озерова подошла к своему секретеру и осторожно нажала на потайной рычаг из черного дерева. Она чуть замерла, следя за тем, как открывается потайное отделение. Просунув тонкую кисть внутрь, женщина достала черный бархатный мешочек, перевязанный шелковой лентой. Дрожащей рукой сжимая его, Анна Андреевна обернулась к дочери, стоящей у нее за спиной, и прошептала:

— Я хотела отдать тебе сей оберег в день твоих именин, в девятнадцать лет. Но чувствую, что у меня нет времени более ждать. Посему сделаю это сейчас. Неизвестно, удастся ли нам выбраться из Петербурга, и потому я хочу благословить тебя, доченька.

Дрожащими руками Анна развязала шелковую ленту и извлекла из мешочка большой кулон округлой формы. Огромный, редкостный синий сапфир, овитый чеканным листовенным рисунком из серебра, вызвал невольное изумление у девушки. Кулон был похож на синее, яркое, плоское солнце с лучами, отходившими от него.

— Я уже потеряла Лизоньку и Костю. Ибо страшное пророчество, видимо, сбывается... И теперь очень боюсь за вас с Сережей.

— Но матушка...

– Не перебивай меня, доченька. Возьми этот кулон. Я дарю тебе его. Камень в нем – древний оберег. Он сможет оградить тебя от неожиданной и нежеланной смерти, именно так сказала когда-то колдунья.

– Колдунья, матушка?

– Да. Много лет назад я была у нее, и она предсказала...
– Озерова замялась.

– Что же?

– Тебе не следует этого знать. Но та колдунья многое знала наперед. Именно она велела подарить кулон одной из моих дочерей. Отныне он твой, Маша.

– Матушка, я ничего не понимаю.

– Тебе надо знать только одно, доченька. Амулет будет оберегать женщин нашего рода от насильственной смерти. Пока этот камень с тобой, Машенька, ты будешь защищена. Я хотела подарить его тебе позже, но чувствую, что времени нет, и мне следует поторопиться. Оттого я хочу, чтобы в дальнюю дорогу ты взяла этот оберег с собой.

Озерова протянула подвеску с сапфиром дочери, и в глазах матери Маша увидела безграничную любовь. Осторожно девушка взяла камень. Проведя благоговейно пальцами по гладкой, холодной синей поверхности, Маша прижала древнее украшение к груди.

– Благодарю.

– Поклянись мне, здесь и немедленно, доченька, что ни под каким предлогом не продашь этот камень. И в дальнейшем

передашь его своей дочери, а она своей. Чтобы он и далее защищал девиц и женщин нашего рода.

– Я обещаю, матушка, что исполню вашу волю, – прошептала тихо Маша.

– Всегда помни, что в твоих жилах течет благородная кровь Озеровых и Неверовых. Наши предки всегда с гордостью и честью служили и императору нашему, Петру Алексеевичу, и государыням. Посему завещаю тебе жить и поступать по чести, как велит совесть. Я с детства учила тебя этому. Я благословляю тебя, дитя мое. Вшей драгоценный сапфир в корсет того платья, что на тебе, пока не вернулся Сергей, да побыстрее. Никто не должен знать, что у тебя есть этот древний оберег. Он стоит целое состояние, и его могут украсть. Ни твой отец, ни брат не знают об этом кулоне, потому что я многие годы хранила тайну о его существовании...

Кирилл Петрович Озеров в черном напудренном парике, темно-коричневом камзоле, угрюмый, без кровинки на лице сидел в своем любимом кресле и покуривал трубку. Анна Андреевна находилась рядом с ним на диванчике и все вздыхала, стеная о том, как несправедлива судьба. Слуги уже выносили вещи на улицу, и два экипажа стояли наготове. Ждали только Сергея. Но его все не было.

Чувствуя свою вину за то, что теперь происходило, Машенька нервно комкала платочек, стоя у окна, и следила за улицей. Обернувшись на приятную музыку каминных часов,

девушка отметила, как пробило одиннадцать вечера. Одета в строгое темно-синее платье, Маша тяжело вздыхала, думая о том, что из-за ее неосмотрительности и безумного поступка вся семья оказалась в опасности. То и дело проводя пальцами по корсету, девушка невольно нащупывала небольшую выпуклость слева, чуть ниже груди, в том месте, где был вшит сапфир. На ощупь было трудно догадаться, что в лифе что-то есть.

В тяжелые, напряженные минуты ожидания Машенька думала о том, что только вечером смогла передать с посыльным записку Чемесову, и наверняка ответ от него принесут лишь утром, когда она будет уже в дороге. В своем письме молодому человеку она порывисто описала, что императрице стало известно обо всем, из-за этого Маша и ее семья вынуждены были так скоро уехать. Девушка просила Григория найти ее позже. Стоя у окна, она вспоминала события той ночи, когда призналась Григорию в тягости, когда он отдал ей опасную коробку, из-за которой все они нынче оказались под ударом. И отчего-то сейчас она отчетливо ощущала, что совершила большую ошибку. Но ведь она так хотела помочь своему любимому и оттого решилась на это душегубство.

Неожиданно двор наполнился звонким цокотом копыт, и девушка, оторвавшись от своих тягостных дум, заметила всадника, который, быстро спешившись, едва ли не взлетел по ступенькам крыльца.

– Братец! – выпалила Маша, обернувшись к родителям.

– Наконец-то! – воскликнула Анна Андреевна, вставая на ноги.

В гостиную порывисто вошел молодой человек лет двадцати пяти. Темноволосый, с усами, в простом военном мундире, грязных сапогах и с усталым лицом, он остановился на пороге и произнес:

– Добрый вечер, мои дорогие...

– Сережа! – воскликнула Анна Андреевна, бросившись к сыну. – Ты совсем не торопился, мы все извелись...

– Но что стряслось, матушка? Отчего я получил ваше письмо? – спросил Сергей.

– Мы сами ничего не знаем. Мария Фёдоровна, жена цесаревича Павла, поведала нам сегодня, что готовится арест всей нашей семьи. Оттого мы должны сегодня же ночью уехать.

– Я тебе уже сказал, Аннушка, что никуда не поеду, – твердо заметил Кирилл Петрович.

– Ах, ну перестаньте, Кирилл Петрович! – всплеснула руками Анна Андреевна. – Помогите мне уговорить его, Сережа. Он не слушает. Он даже не представляет, в какой мы все опасности. И хочет оставить нас одних, без своего покровительства.

– Анна, я же сказал. Вы с детьми поезжайте, раз ты так боишься. А я завтра же поутру кинусь в ноги государыне и выясню, в чем моя вина, – заметил старший Озеров.

– Нет, это опасно, Кирилл Петрович! Ты должен ехать с

нами, – не унималась Анна.

– Нет.

– Ах, как вы жестоки, Кирилл Петрович. Ведь наверняка именно из-за вас государыня прогневалась на нашу семью. Наверняка вы были непочтительны с ее новым любимцем, этим Zubовым. А теперь не хотите этого признать! – обвинительно заметила Анна Андреевна.

– Как вы смеете говорить подобное, сударыня?! – возмутился Озеров, сверкая глазами на жену. – Я верой и правдой служил Екатерине Алексеевне, и ей не в чем упрекнуть меня.

– Матушка, неужели вы считаете, что все настолько опасно? – взволнованно спросил Сергей.

– Да, сынок. Ты должен быстро собрать необходимые вещи. И в полночь мы уедем.

– Мне кажется, что вы преувеличиваете опасность, матушка.

– И я о том же твержу ей, сынок, – кивнул Кирилл Петрович.

– Неужели вы думаете, что цесаревич Павел Петрович будет шутить подобными вещами? – выпалила Анна.

– Матушка права, мне думается, – сказала мрачно Маша, понимая, что все это правда. Ибо обыск, который был произведен в ее комнате, наверняка подтвердил ее виновность.

– Ты что-то знаешь, Маша? – строго спросил Кирилл Петрович.

– Нет, – отрицательно помотала головой девушка. – Со-

всем нет.

– Сережа, времени мало. Собирайся, и через час мы уезжаем, – велела Анна Андреевна.

– Но мне надобно вернуться в полк, попросить увольнения у командования. И... – начал было Сергей. Но Анна Андреевна в негодовании выпалила:

– Сергей, ты, видимо, не понимаешь всей серьезности положения!

Вдруг в тишине ночи с улицы раздался стук лошадиных копыт. Удивленно обернувшись, Маша быстро подошла к окну. Темная карета и шесть гвардейцев верхом остановились у парадного крыльца. Всадники спешили и направились внутрь. Маша охнула и, обернувшись, выпалила:

– Гвардейцы.

– Боже! Я же говорила вам! – вскрикнула в истерике Анна и бросилась к двери. Но не успела достигнуть ее, на пороге гостиной появилась высокая фигура гвардейца в зеленой форме. Застыв на ходу, Анна Андреевна испуганно приложила руку ко рту и попятилась от двери. Гвардейцы вшестером вошли в гостиную, и первый из них, сняв шляпу, отчеканил:

– Поручик Чернышев, к вашим услугам.

– Чем обязаны поручик, в столь поздний час? – глухо спросил, вставая, Кирилл Петрович.

– У меня приказ арестовать вас, господин Озеров, – произнес Чернышев, обращаясь к отцу Маши. – А также ва-

шу жену, госпожу Анну Андреевну, и Марию Кирилловну и Сергея Кирилловича. В вашем доме будет учинен обыск, а вы будете препровождены в тюрьму.

– Могу я знать, за что я арестован? – высокомерно произнес Озеров.

– Вы подозреваетесь в покушении на жизнь господина Зубова. Вот приказ тайной канцелярии, – отчеканил Чернышев.

– Покушение на жизнь? Я не понимаю, в чем дело? – опешил Озеров.

– Мне неизвестны все обстоятельства дела, господин Озеров, – важно заметил гвардеец. – В приказе лишь сказано, что ваше семейство намеревалось отравить ядом господина Зубова, а после могло известить и государыню нашу, Екатерину Алексеевну.

– Святой Боже! Что вы такое говорите? – вскричала в ужасе Анна. – Да как же мы могли государыне нашей, заступнице и благодетельнице, желать подобного?

– Не могу знать, сударыня, – пробубнил Чернышев. – Но требую, чтобы вы немедленно оделись, а затем мы доставим вас всех в Петропавловскую крепость, как и велено в приказе.

– Но это какое-то недоразумение, – удивленный и пораженный случившимся, проговорил Сергей.

– Мне надобно переговорить с государыней, – начал Кирилл Петрович.

– Мне велено вас арестовать, и более я не намерен го-

ворить с вами, господа, – уже раздраженно заметил Чернышев. – Даю вам пять минут на сборы. В противном случае нам придется сопроводить вас в карету силой.

– В таком случае я готов следовать за вами, – ответил высокомерно Озеров. – Но мои дети, они тут ни при чем и...

– У меня приказ арестовать всех, – отчеканил Чернышев.

– Я к вашим услугам, господа, – заявил порывисто Сергей и тоже шагнул вперед. Двое из гвардейцев вышли в парадную, ожидая, когда из гостиной выйдут Озеровы. Кирилл Петрович и Сергей уже направились к дверям.

– Боже! Кирюша, Сереженька, но как же это?! – воскликнула истерично Анна Андреевна. – Мы должны написать государыне, чтобы хотя бы понять, в чем нас обвиняют.

– В крепости у вас будет достаточно времени, сударыня, чтобы писать письма, – желчно заметил Чернышев. – Следуйте за своим мужем, у нас мало времени.

Озерова, причитая, пошла за Кириллом Петровичем, который, уже войдя в парадную, прикрикнул на слугу:

– Демьян, подай нам верхнюю одежду и шляпы!

– Слушаюсь, Кирилл Петрович, – кивнул слуга и бросился исполнять приказ хозяина.

Маша же, видя, что матушка также направилась прочь из гостиной, и, отмечая, как Чернышев и еще один гвардеец, видимо, ждут, когда и она последует за матерью, испуганным взглядом смотря на гвардейцев, прошептала:

– Подождите...

Она смотрела на все происходящее как на дурной, дикий сон, осознав, что ее поступок стал причиной чудовищного ареста ее родных, и именно она была повинна во всем этом. Когда Гриша говорил ей о платке и отравлении, это хоть и казалось девушке страшным, но все равно воспринималось как некая игра. Однако теперь дурной сон с гвардейцами и арестом стал жуткой, суровой реальностью. И в эту пору солдаты государыни, неумолимые и мрачные, арестовывали ее семью и намеревались взять их в крепость. Девушка неистово боялась крепости, все сложилось совсем не так, как обещал ей Чемесов. Она понимала, что надо немедленно известить Григория обо всем. Ведь он обещал помочь, если что-то пойдет не так. Но гвардейцы уже недовольно смотрели на нее.

– Мне надо написать письмо! – выпалила порывисто Машенька.

– Я уже сказал вашей матушке, что в крепости вы, барышня, вольны написать столько писем, сколько сочтете нужным, но сейчас должны следовать за нами, – заметил поручик.

– Нет! Мне надо написать и...

– Сударыня, не заставляйте меня применять силу. Будьте благоразумны, – увещевательно приказал Чернышев.

– Нет! – выпалила Машенька по-детски и попыталась убежать от гвардейцев в дальний угол гостиной. Чернышев сделал знак одному из своих людей, гвардеец, проворно при-

близившись к девушке, схватил ее за локоть и потянул за собой.

– Пустите! – прокричала Маша, пытаясь вырваться из рук гвардейца, который удерживал ее за локоть. Озерова, видя истерику дочери, холодно и строго произнесла:

– Молчите, Мария! Ведите себя как подобает!

Маша бросила затравленный взор на матушку и, поджав губы, перестала вырывать руку. Она медленно поплелась вслед за гвардейцем, ощущая, как к глазам подкатывают слезы страха от предстоящей поездки в тюрьму. Они вышли в парадную, где Кирилл Петрович и Сергей уже надевали шляпы.

В следующий момент Анна Андреевна пошатнулась и едва не упала. Кирилл Петрович тут же устремился к жене и придержал ее. Анна начала хватать ртом воздух и захрипела, как будто не могла дышать.

– Моей жене нехорошо! – воскликнул Кирилл Петрович, обернувшись к Чернышеву. – У нее большое сердце! Нужен лекарь!

– У меня приказ доставить вас в Петропавловскую крепость. Там лекарь осмотрит ее, – отчеканил в ответ поручик.

Едва он произнес эти слова, как Анна повисла на руках мужа и, закатив глаза, глухо болезненно прохрипела:

– Колдунья была права... мы все погибнем...

В следующую секунду Озерова лишилась сознания. Кирилл Петрович, стремительно подхватив жену на руки, по-

ложил ее на небольшое канапе, стоящее в парадной. Озерова не дышала. Маша и Сергей хотели броситься к матери. Но гвардейцы не позволили им этого. Кирилл Петрович прижался к груди жены, ощущая, что она не дышит.

– Аня! Анечка! – хрипел он. Но она не шевелилась.

– Пустите меня! – выпалила сквозь слезы Машенька, вновь пытаясь высвободиться из рук гвардейца, который удерживал ее.

– А ну стой смирно, егоза! – зло выкрикнул светловолосый гвардеец, удерживающий Машу.

Чернышев быстро приблизился к чете Озеровых, приложив руку к шее Анны, нахмурился и уже спустя минуту глухо заявил:

– Она мертва.

– Матушка! – вскрикнула громко Маша, чувствуя, как от дикой боли сжимается сердце.

Спустя десять минут безжизненное тело Анны Озеровой оставили в особняке под присмотром дворовых, которые должны были похоронить хозяйку.

Кирилла Петровича, который тяжело плелся за гвардейцами, понуро опустив плечи, Машу, плачущую горькими слезами, и Сергея, лицо которого походило на каменное изваяние, вывели на улицу. Посадив и закрыв арестантов в темной карете с решетками на окнах, гвардейцы вскочили в седла, и вся мрачная кавалькада устремилась в сторону Невы, к далеким бастионам Петропавловской крепости...

Глава IV. Петропавловская крепость

Заячий остров, Петропавловская крепость,
1790 год, Май, 10

Шум голосов в гулком коридоре заставил Машу прислушаться и открыть глаза. Она привсталала с каменного ложа, покрытого соломой, и медленно поднялась на ноги, одернув юбку. Обхватив себя руками и стараясь согреться в холодной и сырой камере, в которой она находилась, девушка напряженным взором посмотрела на железные прутья решетки, вставленной в окошко железной двери.

Уже вторые сутки она находилась в этом мрачном, полутемном, грязном помещении в одиночестве. Еще вчера на рассвете ее вместе с отцом и братом доставили в Петропавловскую крепость. По приезде их встретил комендант тюрьмы Глушков, полноватый и неприятный человек. Быстро ознакомившись с бумагой, которую передал ему Чернышев, комендант кратко объявил прибывшим, что по приказу императрицы Озеровы будут находиться в крепости до особого распоряжения. После этих слов Маша, которая проплакала всю дорогу, сидя в казенной арестантской карете с братом и отцом, вновь задрожала всем телом, понимая, что своим необдуманном поступком обрекла себя и своих родных на тюремное заключение неизвестно на какое время.

Неистово боясь этой жуткой тюрьмы и желая только одного – выбраться отсюда и спасти отца и брата, девушка попыталась попросить у коменданта Глушкова перо и чернила, чтобы написать письмо. Чемесов теперь являлся единственной их надеждой на спасение, ведь он обещал в случае провала помочь ей. Но комендант, оглядев Машеньку с ног до головы неприятным пронзительным взглядом, проигнорировал ее просьбу и велел развести прибывших по разным камерам. Уже через полчаса, разлучив с родными, девушку привели в камеру с каменными стенами, мрачную, холодную и сырую. Надсмотрщик показал ей отхожее место в углу камеры. Это было просто отверстие в каменном полу, под которым находилась выгребная яма, из которой шло нестерпимое зловоние. Пока девушка в истерическом ужасе оглядывала неприглядную влажную камеру и каменное ложе с охапкой соломы, надсмотрщик покинул помещение, заперев Машу на железный засов снаружи. Его удаляющиеся шаги затихли спустя пару минут.

Оставшись одна, девушка в панике начала осматривать жутковатое мрачное пространство, в которое совсем не попадал дневной свет. В камере, кроме каменного ложа и отхожего места, более ничего не было, не считая небольшого оконца с решеткой, которое виднелось почти под потолком. Уже через пару минут Машенька обнаружила снующих по полу мышей. Это вызвало у девушки еще большую истерику, и она залезла с ногами на каменное ложе, которое было

единственным возвышением в камере. На ее глаза вновь навернулись слезы, и она долго, тихо плакала, чувствуя, что не выдержит такого существования. Все ее печальные, безотрадные мысли отягощались еще и мучительными страданиями от того, что матушка так неожиданно скончалась, и она так и не успела попрощаться с нею. Более никто не приходил к девушке, и лишь пару раз, утром и вечером, за эти двое суток в камеру заглядывал надсмотрщик и приносил скудный запас еды, состоящий из хлеба, лука и ледяной воды. Машенька пыталась говорить с ним, желая узнать, как долго ей находиться в этом чудовищном каземате, и просила дать бумагу и чернила. Но худощавый и лысый солдат, не говоря ни слова, уходил и вновь запирали ее.

Потому в этот полуденный час голоса за дверью показались ей странными, так как все два дня, что она провела в тюрьме, было очень тихо, и лишь изредка доносился писк мышей, снующих под ногами, и шум завывающего снаружи ветра. Заскрипел засов, и Машенька, сцепив руки, с сильно бьющимся сердцем уставилась болезненным взором на входящих.

– Ваше сиятельство, проходите, она именно здесь, – раздался мужской голос, который Машенька вмиг узнала. В камеру вошла полная изысканная дама в дорогом рединготе и шляпке с вуалью, которая полностью скрывала лицо, и тот самый комендант крепости Глушков, который два дня назад встречал их у входа в крепость.

– Я бы хотела переговорить с госпожой Озеровой наедине, – бросила повелительно вошедшая дама.

– Да, конечно. Из всегдашнего расположения к вам, Екатерина Семеновна, – заискивающе начал комендант. Но дама властно приказала:

– Не надо имен!

– О, извините! Конечно, я оставлю вас наедине. Говорите. У вас есть четверть часа.

– Этого вполне достаточно, – согласилась княгиня.

Понятливо кивнув, Глушков быстро вышел и плотно закрыл за собой железную дверь. Оглядев дрожащую девушку в синем закрытом платье и в тонком рединготе, княгиня холодно осведомилась:

– Я пришла справиться о вашем здоровье, дорогуша.

Несчастно посмотрев на даму, Машенька наконец узнала ее даже под вуалью и тихо пролепетала:

– День добрый, Екатерина Семеновна, я здорова, но здесь жутко холодно.

– Да, я понимаю, это ведь тюрьма, – равнодушно заметила княгиня Д., презрительно поморщившись, обвела взором камеру и спросила: – Вам что-нибудь надобно, милочка?

– Я хотела написать письмо, если это возможно. Мой надсмотрщик игнорирует мои просьбы.

– Вы собираетесь писать Григорию Петровичу? – спросила княгиня, и Маша, опешив от ее догадливости, кивнула. Княгиня недовольно произнесла. – Этого не следует делать.

– Но как же он узнает о моем теперешнем положении и о том, что я в...

– Он знает обо всем, – отрезала княгиня Д., перебив девушку.

– Знает? Но...

– Я вам сказала, милочка, что он знает обо всем, и не следует ему ничего писать, – жестко добавила Екатерина Семеновна, нахмурившись. – Письмо могут перехватить, получится грандиозный скандал, и пострадают многие люди. Вы же не хотите этого?

– Нет, – согласилась Маша, не понимая, к чему клонит княгиня. Девушка прекрасно знала, что княгиня Д. занимает приближенное, высокое положение при императрице, и ее влияние при дворе было очень велико. Девушка подумала, что, возможно, княгиня пришла, чтобы ей помочь. И, видимо, она обо всем знает, раз говорит о Чемесове и так уверена в своих словах.

– И вообще, я советую вам не упоминать имя господина Чемесова где бы то ни было, на допросе или еще где, – добавила княгиня.

– Но ведь он говорил, что поможет мне...

– Возможно. Но вы прекрасно понимаете, дорогуша, что за Григорием Петровичем стоят могущественные люди, которые могут пострадать, если вы раскроете рот.

– Да? – пролепетала Машенька.

– Естественно. Или вы думали, что о той вещи, которую

дал вам Григорий, более никому неизвестно?

– Неужели вы тоже знали? – опешила девушка, в этот момент осознавая, что княгиня и есть одна из тех самых людей.

– Вот именно. Посему советую вам молчать о том, кто вас надоумил... – она запнулась и тихо добавила, – сделать то, что вы сделали.

– Я лишь хотела помочь Григорию...

– Я понимаю вас, милочка. И потому обещаю, при условии, что вы сохраните все в тайне, как вам и велено, что хлопочу о вашем скорейшем освобождении.

– Но как долго мне и моим близким оставаться в этой тюрьме?

– Пока не знаю. Мы можем помочь вам, но только в том случае, если вы будете молчать.

– Но я боюсь, что не смогу выдержать здесь долго, – в слезах пролепетала девушка. – Здесь так жутко холодно и везде мыши...

Княгиня напряженно посмотрела на дрожащую девушку и жестко произнесла:

– Вы должны потерпеть. В противном случае должны знать, что есть тайны, которые умирают вместе с их владельцами.

Опешив от слов княгини, девушка поняла, что эти самые влиятельные люди просто уничтожат ее, лишив жизни.

– Вы угрожаете мне? – выдохнула наивно девушка, смотря чистыми влажными глазами на княгиню и не желая верить

в этот кошмар. И, сглотнув, добавила: – Но я ничего не сделала, чтобы...

– Ты взяла ту коробку, девчонка! – злобно прошипела княгиня, перебив. – Тем самым решившись пойти на все это! И тебя наверняка кто-то видел! Раз все раскрылось так быстро. И доложил в тайную канцелярию. Именно поэтому тебя поймали как преступницу! А преступники по закону должны быть наказаны. Оттого ты в тюрьме, из-за своей неосторожности и глупости, а не по нашей вине. Ты должна это понимать!

– Вы, наверное, правы, госпожа, – пролепетала Машенька и тихо добавила: – Но отчего-то мне думается, что теперь ваш долг помочь мне.

– Из-за этого я и здесь. Я прекрасно понимаю, что ты сделала все это ради нашего благого дела, и посему мы поможем вам. Но должно пройти время. И не упоминай никаких имен! Ничего! Иначе вы...

– Я поняла, – тихо ответила Маша, не понимая, что это за «благое дело», но начиная подозревать, что Чемесов скрыл настоящие мотивы ненависти к Зубову и что это отравление было нужно еще кому-то.

– И запомни, первым пострадает Григорий Петрович, если только откроешь рот. А ведь ты не хочешь, чтобы ему было плохо? – заметила княгиня.

– Нет, – пролепетала Машенька. – Я буду молчать.

– Тогда мы сделаем все, чтобы выволить тебя отсюда.

– А мой отец и брат?

– Ничего не обещаю, но постараюсь, – уклончиво сказала княгиня.

– Благодарю вас.

– Мне пора. Надеюсь, ты будешь благоразумной. Ибо от этого зависит не только твоя жизнь. Помни об этом, – добавила Екатерина Семеновна и направилась к двери.

– Я поняла, – кивнула девушка, с отчаянием смотря на княгиню, единственного человека, который в настоящее время мог помочь ей и ее родным.

Адмиралтейская набережная, особняк княгини Д.,
1790 год, Май, 10, вечер

Почти оттолкнув дворецкого, Чемесов, взъерошенный и бледный, влетел в парадную и, не спрашивая разрешения, устремился к гостиной.

– Милостивый государь! – окликнул его дворецкий, бегом последовав за широким шагом молодого человека, который уже достиг порога гостиной. – Надобно доложить!

– Пошел прочь! – огрызнулся Григорий и, рванув дверь, влетел в теплую уютную комнату. Княгиня Д. возлежала на диванчике, который стоял рядом с затопленным камином, зябко кутаясь в светлую шерстяную шаль. У ее ног на полу лежали две борзые.

Едва Чемесов появился на пороге гостиной и прямо в

грязных сапогах прошествовал по светлому ковру, направляясь к княгине, та, округлив глаза от неожиданности, воскликнула:

– Григорий Петрович, вы так поздно? Я же велела вам быть завтра поутру.

– Сударыня! Я не мог ждать! – выпалил Григорий, оставившись в трех шагах от княгини, и, вперив в нее лихорадочный взор, выдохнул. – Озеровых арестовали! Я только узнал об этом!

– Знаю.

– Знаете? – опешил Чемесов. – Но их арестовали еще два дня назад! Именно оттого, я не мог найти Марию Кирилловну во дворце! Но отчего вы не известили меня?

– Я посчитала, что эта новость слишком возбудит вас, – кисло ответила княгиня, плотнее кутаясь в шаль и переводя взгляд с Чемесова на пылающие дрова в камине. – Что теперь и вышло.

– Но вы уже что-то предприняли?

– Я? – удивилась княгиня и перевела взор на молодого человека.

– Ну да. Надобно что-то делать, чтобы вызволить Машу и ее родных из тюрьмы, как мы и намеревались, ежели все пойдет не так.

Несколько раз моргнув и взирая на Григория, который был бледен, словно плотно, а его глаза горели мрачным светом, княгиня холодно встала:

– Вы слишком возбуждены, Григорий Петрович. Может, налить вам вина?

– Так вы что-то делаете для их освобождения или нет? – вновь выпалил Чемесов, проигнорировав вопрос княгини.

– Нет, – твердо ответила Екатерина Семеновна, вновь переводя взгляд на огонь.

Остолбенев от ее слов, молодой человек вперил в нее негодующий взор и пророкотал:

– Екатерина Семеновна! Вы же обещали! Обещали!

– Перестаньте кричать, поручик! – возмутилась княгиня. – Вы что себе позволяете?

– Простите, – чуть тише, но все так же нервно заметил Григорий. – Она уже вторые сутки в тюрьме! И мне стало известно, что готовится указ о повешении Озеровой, ее брата и отца!

– И что же? – заметила холодно княгиня. – Пока я не могу ничего сделать.

– Не можете? Но как же? Вы же говорили, что орден все сделает для их освобождения, если понадобится!

– Сама императрица занимается этим делом, – соврала княгиня. – Она крайне недовольна, я бы даже сказала, очень зла.

– А Григорий Александрович? – с неистовством спросил Григорий, нервно дергая пуговицу своего мундира и до крови кусая губы. Молодой человек говорил о князе Потёмкине, который имел на государыню непомерное влияние. – Он

же может уговорить Екатерину Алексеевну!

– Светлейший князь болен. После всей этой истории императрица подозревает его и даже говорить с ним не желает.

– И что же делать? Что делать?

– Нам остается уповать только на Создателя.

– Молиться? – потрясенным тоном пробормотал Чемесов. Его воображение нарисовало образ Маши Озеровой в зловещей тюрьме, и он дико выпалил: – Но она, наверное, так напугана, несчастна! Я чувствую это. Надо как-то попытаться ее спасти!

– Это невозможно. Ты, Григорий Петрович, должен смириться. Если Озерова погибнет, надо принять ее смерть как должное. Поскольку она послужила на благое дело.

– Ее смерть на благое дело?! – вскричал в неистовстве Чемесов.

Именно в этот миг он осознал, что любит Машеньку всем сердцем. И вся эта игра с ней по указке княгини не прошла напрасно. И он действительно влюбился в девушку искренне, горячо и по-настоящему. И холодные слова княгини по живому резали его сердце. Он не мог хладнокровно отдать это невинное юное существо на казнь. Ведь Григорий понимал, что девушка отдала ему все. Свою невинность, свое горячее сердце и, наконец, свою чистую душу, решившись на убийство. Порывисто он вскричал: – Нет!

– Да! Ты должен понимать это, Григорий. Ты еще молод, но с годами осознаешь, как я права, – начала увещательно

княгиня.

Не в силах слушать эти лицемерные холодные слова от княгини молодой человек прохрипел:

– Раз вы не желаете помочь, я сам помогу ей!

Он взвился с места и устремился к двери, желая только одного – вызволить обожаемую девушку из железного капкана, в котором она ожидала смерти.

– Чемесов! – позвала его в порыве Екатерина Семеновна. Молодой человек замер уже у выхода из гостиной, непокорно вздернув голову. И княгиня, словно приговор, добавила: – Я отвела от вас подозрение, ибо девчонка будет молчать. Но если вы теперь вмешаетесь, я уже не смогу вас спасти!

Медленно развернувшись и, прокручивая слова княгини в своей взбудораженной голове, Григорий глухо выдохнул:

– Пусть так. Но лучше я погибну вместе с ней, чем буду терзаться многие годы оттого, что я предал ее...

Он быстро вышел, а княгиня сквозь зубы злобно процедила:

– Глупец. Ну и поделом тебе.

Заячий остров, Петропавловская крепость,
1790 год, Май, 11, вечер

Сумерки окутали неприглядную камеру. Девушка сидела, поджав колени к животу на своем каменном ложе, застеленном соломой. Сегодня первый день, как потеплело на

улице, и потому промозглость камеры была не так ощутима. Впервые за те трое суток, что находилась в тюрьме, она растегнула свой влажный от сырости редингот и сняла шаль с шеи. Однако окружающая сырость и писк мышей были неотъемлемой частью ее теперешнего тягостного существования, и, девушка несчастно вздыхая, страдала от неизвестности и одиночества. Все эти дни она не видела ни отца, ни брата и не знала, что с ними и где они.

Надсмотрщик, приносивший еду, не говорил с ней, и Маша даже не знала, приговорена она уже к какому-то сроку, или должен ещестояться суд, а может, она останется здесь навсегда. Лишь призрачная надежда на то, что княгиня Д., которая посетила ее вчера, или Григорий, помогут ей выбраться отсюда, согревала страдающее сердце, и девушка искренне, по-детски уповала на то, что еще нужна Григорию, и он сделает все, чтобы вызволить ее из тюрьмы.

Во все дни своего кошмарного и омерзительного существования в крепости, Машенька беспрестанно плакала и переживала. Для нее, еще такой юной, наивной девушки, почти девочки, с детства выросшей в неге и роскоши, окружающая зловонная грязная камера выглядела адом. В первые дни она пугалась даже мышей, когда те пробежали по ее ногам, но с каждым днем словно стала привыкать к этим неприятным соседям и сейчас смотрела на них безразлично, понимая, что грызуны не виноваты, что родились в таком неприглядном теле. Девушка боялась остаться здесь надолго или навсегда.

Она не знала, сколько еще выдержит, но понимала, что ей надо как-то примириться со своим теперешним существованием. Иного выхода не было. Ее платье было испачкано, а волосы казались невозможно грязными. Она заплела их в простую косу, так как не было даже расчески, чтобы причесаться. В углу грязной камеры по стене постоянно стекала вода, просачиваясь между камнями в пол. Именно, эта жидкость и служила для девушки единственным источником воды, которым она могла ополоснуть лицо и руки. Вода была ледяная, но Машенька радовалась и такой, без нее стало бы совсем невыносимо терпеть все тяготы заключения. Девушка пыталась не отчаиваться и ежечасно внушала себе, что она здесь ненадолго. Лишь эта мысль успокаивала и придавала ей силы.

Заскрипел дверной засов, и Маша напряженно посмотрела на надсмотрщика, который вошел в камеру. Девушка не понимала, зачем он пришел, потому что вечерний скудный хлебный паек был принесен ей еще два часа назад.

– Эй, барышня, – позвал приземистый и худощавый охранник. – Вставайте. Комендант требует вас на допрос.

– Комендант? – удивилась она и опустила ноги, одернув юбку.

– Ну да, Егор Васильевич требует. Давайте поживее, а то он гневаться будет.

Надсмотрщик проворно распахнул дверь, ожидая, когда девушка приблизится. Маша не заставила себя ждать и по-

спешно вышла в коридор. Охранник отправился вслед за нею и, взяв зажженный фонарь, велел:

– Идите за мной.

Послушно последовав за солдатом, девушка уже спустя четверть часа вошла в комнату Глушкова, находящийся недалеко от главного входа в тюрьму. Пройдя в мрачноватый, пыльный кабинет коменданта, Машенька остановилась у входа, переведя взор на сидящего за столом мужчину, одетого в темно-зеленый китель. Глушкову было около сорока лет. Полное лицо его украшали широкие усы и бакенбарды. Пыльный парик лежал на столе, а рыжие волосы его были взлохмачены и торчали в разные стороны.

Железная дверь с грохотом закрылась за ней, и Маша непроизвольно обернулась на этот звук. Комендант оторвался от бумаг и поднял голову.

– Прошу, сударыня, пройдите, – велел Глушков. Он встал из-за стола и приблизился к девушке. Чуть поклонившись, он протянул ей руку. Маша, опешив, инстинктивно подала ему ладошку, и он галантно, как будто в салоне, поцеловал ее. – Вы дрожите? Присядьте сюда, – он жестом указал на стул, стоящий недалеко от его письменного стола. Неуверенно ступая по неровному каменному полу, Маша присела на предложенный комендантом стул. Егор Васильевич остался у стола и, выпрямившись, как-то странно посмотрел на нее.

– Вы хотели видеть меня? – спросила девушка.

– Да, сударыня, я бы хотел поговорить с вами касательно

вашей семьи.

Нахмурившись, Машенька напряженно посмотрела на стоящего перед ней мужчину с неприятным лицом и тихо вымолвила:

– Могу я узнать, что с моим отцом и братом?

– Они здоровы и находятся в одиночных камерах, как и вы.

– Благодарю, – облегченно выдохнула Маша, расстегивая редингот, ибо в комнате было довольно тепло.

– Вы можете раздеться, если вам жарко, – предложил комендант. Маша начала медленно снимать редингот и напряженно заметила:

– Третьи сутки я и мои родные находимся в вашей тюрьме. И никто не соизволил даже уведомить нас о приговоре, который нам вынесен, и сказать, как долго мы должны пробыть здесь.

– О, сударыня, я вижу, что три дня, что вы провели в стенах вашей камеры, совсем не сломили вашего духа! – съехидничал Егор Васильевич.

– Я дворянка, и мое положение дает право требовать, чтобы мне дали написать прошение императрице, – она перекинула снятый редингот через спинку стула, на котором сидела.

– Прощение? – удивленно поднял брови Егор Васильевич.

– Вот именно. И мне надобно еще отписать письмо одному господину. Я могу это сделать, многоуважаемый Егор Ва-

сильевич?

– Я смотрю, Мария Кирилловна, вы слишком самоуверенны. А в вашем положении следует быть скромнее.

– И все же я требую у вас, сударь, перо, бумагу и чернила.

– Вы требуете?! – взорвался комендант, вскинув руки. – Вы не имеете права ничего требовать! Вы заключенная крепости, и ваше существование здесь зависит только от моей милости и доброй воли государыни нашей!

– Вы как будто угрожаете мне, сударь? – воскликнула порывисто Машенька.

– Я не угрожаю вам, сударыня, а лишь хочу предостеречь от необдуманного шага, – заметил мрачно Глушков. – И уведомляю, что никто не ждет от вас письма. Да и государыня наша, Екатерина Алексеевна, вряд ли вам поможет. Императрица не будет разбираться с вашим делом, поскольку все уже решено.

– Вы лжете! – выпалила девушка, на ее глазах заблестели слезы, и она горестно пролепетала: – Вы специально не хотите дать мне написать письмо, так как не желаете войти в мое положение и хотя бы немного сжалиться надо мной и моими родными.

Надрывающие сердце слова девушки заставили Глушкова напрячься, и он долго, мрачно смотрел прямо в бледное прелестное лицо девушки, словно что-то обдумывая.

– Вы слишком наивны или глупы, мадемуазель Озерова, – заметил он глухо. – Неужели вы надеетесь на своих покровителей?

вителей? Но они отступились от вас! Неужели вы еще не поняли этого?

– Это не так, вы неправы, – пробормотала она.

– И все же я прав! – заметил он желчно. – Я же знаю, что они решили отдать вас на заклание, чтобы все следы и тайны вы унесли с собой в могилу. Вчера княгиня после визита к вам говорила со мной и велела как можно скорее привести в исполнение указ императрицы.

– Указ императрицы?

– Да. В нем велено вас всех троих бить кнутом и отправить по этапу в Сибирь.

– Господи, – отозвалась, холодея, Маша и, судорожно сжав руки на груди, прошептала: – Я не верю вам...

– Что ж, убедитесь сами! – пророкотал комендант и, быстро взяв со своего стола лист бумаги, протянул его девушке. – Вы и ваша семья обвиняетесь в государственной измене, ибо посмели покушаться на жизнь Зубова Платона Александровича и, возможно, на жизнь самой государыни. Вот указ, который я получил накануне и должен привести в исполнение в кратчайший срок.

Маша взяла дрожащими руками исписанный лист с длинной подписью. И едва воспаленными от слез глазами пробежалась по строкам указа, испуганно вперила взор в усатое лицо коменданта, а затем устало прикрыла глаза, понимая, что все они погибли, потому что подпись на этом жутком документе была действительно императрицы Екатерины Алек-

сеевны. Видя нервное состояние девушки, Глушков как-то по-доброму заметил:

– Неужели вы не поняли, что все те, кто склонял вас осуществить это греховное убийство, лишь использовали вас, чтобы вашими руками устранить фаворита императрицы. А когда вы по неосторожности попались, без сожаления отступились от вас...

Девушка в ужасе слушала Егора Васильевича и думала об одном, неужели Григорий предал ее, неужели он совсем не любил ее и изначально использовал в своих нелюбезных целях. Да и княгиня говорила, что он обо всем знает и не должен пострадать. Видимо, Григорий был в сговоре с Екатериной Семеновной. Так как Маша не раз слышала от молодого человека, что княгиня является его покровительницей. Машенька похолодела от своих страшных мыслей, ибо жестокая темная правда показалась ей просто убийственной. Григорий использовал ее и соблазнил только для того, чтобы устранить Зубова через нее, усыпив ее бдительность словами о любви. А сам жаждал, чтобы она как можно скорее выполнила их тайную миссию, потому что в последний месяц твердил только об этом. А нынче, когда все сделала, она стала не нужна ему. И доказательством служил тот факт, что за эти три дня он так и не появился в тюрьме. И ее ребенок, живущий под ее сердцем, был нужен единственно ей, так как Чемесов, его отец, явно не нуждался в его существовании так же, как и не желал вызволения Маши из этой кошмарной

тюрьмы. Раздавленная, нервная и ожидающая новых мучений, которые предрекала та жуткая бумага, какую она сжимала в руке, Машенька тихо промямлила:

– Неужели вы правы?

– Вот именно, – заметил комендант и, забрав из рук девушки указ, вновь положил его на стол. – Теперь вы, видимо, начали понимать, что к чему, сударыня. И потому на вашем месте я был бы более смирным и покладистым, как и говорил вам ранее. Ибо в эту минуту я ваш единственный покровитель и, возможно, даже спаситель.

Уже с полными слез глазами девушка посмотрела на Егора Васильевича и пролепетала:

– Я не понимаю, зачем вы пригласили меня сюда? Для того, чтобы сообщить о том, что я и мои родные должны быть подвергнуты этому жестокому наказанию?

Видя страдание на лице девушки, Глушков глухо выдохнул и уселся рядом.

– Нет, я позвал вас не для этого, сударыня, – заметил он тихо и попытался улыбнуться, но у него получилась лишь неприятная гримаса. Он внимательно посмотрел на лицо девушки и глухо, чуть запинаясь вымолвил: – Я предлагаю вам, Мария Кирилловна, некий уговор. Я могу сделать так, что вы и ваши родные избегните наказания кнутом. Поскольку после семидесяти ударов, которые предписаны указом, мало кому удавалось выжить. К тому же я смогу договориться, что в Сибирскую губернию вы поедете на подводах с провизией,

а не пойдете пешком, как простые каторжники.

– Вы сможете нам помочь? – опешила Машенька.

– Да, обещаю. Но это в обмен на вашу благосклонность...

– Что? – опешила девушка и напряженно воззрилась на неприятного человека, который сидел перед ней.

– Не буду скрывать, что вы сразу понравились мне, сударыня, – слащаво ухмыляясь, произнес Глушков, плотоядно облизывая губы. – Ваша изысканная, редкая красота просто завораживает. Я обещаю, что избавлю вас и ваших родных от жестокого наказания кнутом и доложу, что указ исполнен в точности, но взамен на вашу уступчивость...

Прекрасно понимая, чего хочет от нее комендант, Машенька на миг представила близость с ним, как окажется в объятиях этого полного неприятного господина. На ее лице отразилось брезгливое выражение и даже испуг. Это тут же отметил Глушков и порывисто заявил:

– Я не тороплю вас, сударыня, и дам вам час на раздумье. Сейчас мой денщик накормит вас. А я пока проверю караулы. Через час я вернусь, и вы должны будете дать мне ответ. Надеюсь, он будет положительным.

– И выслушаетесь приказа ради нас? – убитым голосом спросила она.

– Это только ради вас, моя прелестница, – уже проворковал Глушков, вставая. – Клянусь, после ночи, проведенной с вами, я напишу рапорт о том, что вы, ваш отец и братец были выпороты кнутом. Хотя на самом деле вы все будете

целы и невредимы. И распоряжусь, чтобы по этапу вас везли на телеге, — он замолчал и крикнул денщика. Уже у выхода он заметил. — Что ж, у вас есть час на раздумье...

Бросив многозначительный плотоядный взгляд на лицо девушки, комендант вышел.

Оставшись одна, Маша, напряженно сжала кисти рук и встала. Она подошла к окну и увидела мрачный весенний пейзаж за ним. В ее голову пришли мысли о том, что сейчас в этой крепости она, ее отец и брат находятся только из-за нее. Только ее безрассудный и опрометчивый поступок привел их всех к мучениям, страданиям и, может быть, даже к скорой гибели в будущем. Она понимала, что семьдесят ударов кнутом невозможно выдержать даже выносливому закаленному мужчине, а уж ей и подавно. Ее отец был стар и болен, и девушка отчетливо осознавала, что ни она, ни Кирилл Петрович не выживут после этой экзекуции. И, видимо, на это и было рассчитано. А ее брат, даже если и останется в живых после наказания, точно долго не выдержит в сибирском суровом климате на казенных заводах, если вообще достигнет тех проклятых мест.

В ее голове начал вырисовываться путь к спасению. Отдаться этому неприятному полному коменданту и спасти их всех от неминуемой гибели. Ведь матушка уже отправилась на тот свет после сердечного приступа. И все эти дни девушка винила в ее смерти только себя. Но отдаться рыжему, дурно пахнущему Егору Васильевичу, который старше ее прак-

тически вдвое, было для девушки невозможно. Неприязнь, гадливость и омерзение поднимались в ее сердце, едва она представляла интимную близость с ним.

Да, она была уже не девушка и два месяца назад подарила свою девственность Григорию, которого обожала и любила. И все любовные соития происходили по любви с ее стороны, и она искренне желала этого. Теперь же она должна была отдаться Глушкову без любви, по острой, крайней необходимости только за право жить и за возможность спасти своих близких. Но переступить через брезгливость, через себя, Машенька не могла и чувствовала, что не выдержит близости с жирным и невзрачным комендантом.

В мысли девушки как-то незаметно вновь вклинилось осознание того, что Григорий предал и использовал ее в своих корыстных целях. И, как ни горестно было это осознавать, Машенька понимала, что Чемесов, видимо, никогда не любил ее и нынче не придет к ней на помощь и не вызволит из тюрьмы. Оттого в данный момент она должна была рассчитывать только на себя и попытаться сделать хотя бы что-то, чтобы спасти своих любимых отца и брата от жуткого, страшного будущего, да и себя тоже. Она не могла отменить указ императрицы, но комендант обещал помочь им. И в данный момент это была единственная спасительная соломинка в их чудовищном положении.

От нервного состояния, в котором девушка пребывала, думая и думая обо всем этом, руки ее тряслись, а мысли пу-

тались. И она никак не могла принять верного решения. Когда-то она хотела хранить верность Григорию, но в сию минуту отчетливо осознавала, что ее верность не нужна ему, как и она сама. А раньше он наверняка потешался над тем, как она, наивная дуручка, льнет к нему и твердит о своей любви. Все прошлые слова Григория, его прежнее поведение по отношению к ней в этот миг воспринимались девушкой негативно и казались ей верхом лицемерия и обмана. Ее сердце несчастно сжималось от боли и обиды на молодого человека. Но Машенька понимала, что должна как можно скорее принять эту жестокую правду и попытаться забыть Чемесова, так как в эту секунду ее жизнь висит на волоске.

В кабинет вошел денщик с подносом. Он поклонился, поставил еду на небольшой столик у окна и предложил девушке подкрепить силы. Маша поблагодарила, и денщик вышел. Девушка словно в забытьи подошла к столику и невидящим взором посмотрела на холодную говядину, хлеб и соленые огурцы, которые лежали в мисках. Красное вино и моченое яблоко дополняли эту простую трапезу.

Невольно сев за стол и, машинально взяв кусок свежего хлеба, девушка откусила и начала размышлять вслух.

– Неужели он правда сможет спасти нас? Неужели в обмен на мое тело он готов нарушить приказ и помочь нам? – тревожно лепетала себе под нос Маша, отрезая ножом кусок говядины и машинально пережевывая его, смотря перед собой невидящим и остекленевшим взором. – Я отдамся ему,

и он спасет нас. Ведь я так виновата, так виновата. И нет мне прощения. Ведь, если я не решусь на это, мы все погибнем. И все из-за меня. Я виновница всех бед. И теперь выхода другого нет. Я должна переступить через себя, должна пожертвовать собой ради спасения отца и брата, ведь они ни в чем не виноваты. Я оступилась и навлекла беду на нашу семью, мне и расплачиваться. Так и должно быть...

Спустя некоторое время вернулся Егор Васильевич, и Маша, подняв на него сухие тревожные глаза, тихо произнесла:

– Если вы поможете нам, я согласна на ваши условия.

– О, весьма польщен вашим положительным ответом, сударыня! – возбужденно выпалил Глушков, закрывая дверь на засов и приближаясь к девушке. Он положил руку на ее плечо. Маша напряглась от его тяжелой ладони, которая начала ласкать через ткань платья ее плечо, но не скинула руку коменданта. – Да, моя прелесть, те дни, что вы провели у нас в тюрьме, не прошли даром. Вам следует принять ванну.

Маша смутилась, прекрасно осознавая, что не мылась почти четыре дня. И неудивительно, что от нее пахло природным запахом и немного потом. Но Егор Васильевич наклонился к ней и, обвинив рукой талию девушки, притянул ее ближе к себе и продолжал:

– Однако меня это нисколько не смущает. Даже, я бы сказал, наоборот, ваш запах весьма возбуждает во мне кровь.

Он уткнулся ртом в ее шею, а его руки начали умело расстегивать ее платье сзади и далее расшнуровывать корсет.

Уже через некоторое время он стянул с нее платье, корсет, фижмы, нижние юбки, и девушка осталась в одних чулках и нижней шелковой рубашке. Ее выступающая под тонкой рубашкой высокая грудь, обнаженная шея, мягкие плечи и тонкая талия вызвали у коменданта возглас восхищения, и он тут же начал настойчиво целовать ее в губы, сильнее прижимая девушку к себе. Маша стояла напряженно и не сопротивлялась, от омерзения закрыв глаза, и позволяла ему ласкать руками свое тело. Еще через некоторое время он стянул с нее нижнюю рубашку, обнажив девичьи бедра и провел рукой по гладкой коже. Маша стояла неподвижно и, прикрыв глаза, терпела все его ласки.

– Могу я звать вас Маша? – спросил он вдруг. Она тупо кивнула, желая одного, чтобы все поскорее закончилось. – Пойдемте сюда, моя прелестница, – велел он, подталкивая ее к небольшому диванчику, покрытому грубым сукном. Он проворно уложил девушку на твердую поверхность и начал раздеваться сам. Машенька отвернулась, чтобы не видеть его и лишь слышала, как он порывисто дышал, обнажаясь. Уже через пару минут Глушков остался в одних подштанниках и, наклонившись над ней, жадно приник губами к дрожащему рту. В следующую секунду он навалился на нее всем телом, и девушка ощутила, что задыхается от сильного запаха лука и мужского пота. Душок пороха и мокрой тины исходил от его кожи, и Маша ощутила, что еще немного – и от омерзения она потеряет сознание. Она прикрыла глаза, считая мгнове-

ния до окончания этой экзекуции, а перед ее взором стояли образы отца и брата, которые теперь для нее казались невозможно дорогими и ценными.

Яростными настойчивыми губами Егор Васильевич начал целовать ее шею, разминая руками нежную грудь. Через некоторое время он чуть отстранился и приказал:

– Откройте глаза, я хочу, чтобы вы смотрели на меня!

Она открыла влажные от слез глаза и увидела перед собой его темный блуждающий взгляд. Она почувствовала, как его руки раздвигают ее бедра. В следующий момент боль пронзила ее лоно, так как девушка не была возбуждена. Она зажмурилась от неприятного чувства гадливости, ощущая быстрые твердые движения внутри себя. И не открывала глаз, пока Глушков спустя некоторое время не закончил свое действие. Он немного потряс головой, проворно поднялся с девушки и начал медленно одеваться, вальяжно сказав:

– Вы, конечно, красивы, но совершенно холодны, сударыня...

Маша так и осталась лежать на диванчике недвижимо, с закрытыми глазами и думала лишь о том, что все наконец кончилось. «Все. Это все, – шептала она в мыслях. – Теперь Сергей и отец будут спасены от наказания кнутом».

Она открыла глаза и села. Глушков уже оделся и, сев за письменный стол, начал перебирать бумаги. Он окинул девушку внимательным взором и приказал:

– Наденьте платье. Вы можете поспать здесь, на этом ди-

ванчике. Все же здесь теплее, чем в вашей камере, и нет крыс. А мне надо немного поработать. Утром я решу, что с вами делать.

Он вновь опустил взор на бумаги. А Маша, встав на ноги, стала быстро собирать с каменного пола одежду. Спустя четверть часа, надев только рубашку, нижнюю юбку и платье она, свернувшись калачиком на жестком диванчике, забылась тревожным сном, убаюканная тихим скрипом пера коменданта, который что-то писал за своим столом при свете единственной свечи...

Глава V. Арестанты

Петропавловская крепость,
1790 год, Май, 12, утро

Рассвет едва занимался, когда Чемесов с гудящей головой от чрезмерно выпитого накануне вина, шальной и мрачный, направился к мосту, ведущему в крепость на Заячьем острове, оставив карету дожидаться его неподалеку, в пролеске. Быстрым шагом он приблизился к комендантской будке у подножья моста. Он сильно постучал железным кольцом в ворота будки и замер в напряженной позе. Часовой не заставил себя долго ждать, и уже через миг окно на дверях распахнулось, и в проеме показалось заспанное лицо охранника, который недовольным тоном пробурчал:

– Чего надобно?

– Поручик Измайловского лейб-гвардии полка Чемесов. У меня приказ на освобождение из-под стражи господина Озерова и его семьи, – отчеканил Григорий, помотав гудящей головой, оправляя чуть съехавшую набок треуголку из зеленого сукна.

– Что это в такую рань-то? – недовольно вымолвил часовой и начал отпирать тяжелый засов.

Когда дверь распахнулась, молодой человек прошел внутрь и велел:

– Веди к коменданту.

– Да щас! Егор Васильевич почивают еще, – недовольно заметил часовой. И, указав рукой вперед, сказал: – По мосту сами идите, ваше благородие. Там от ворот вас солдат проводит до дежурного по гарнизону. Ему бумагу и покажете.

– Понял, – кивнул Чемесов и двинулся тяжелым неровным шагом по деревянному мосту, который был перекинут через водную гладь, окружавшую Заячий остров.

В голове Чемесова сидела одна шальная мысль, навязчивая и опасная, во что бы то ни стало освободить Машеньку и ее родных из крепости, в которой они находились уже четвертые сутки. Именно это трагичное, незаслуженное заключение не давало молодому человеку расслабиться последние несколько дней.

В тот вечер, когда он покинул особняк княгини Д., Григорий впал в злое шальное состояние и едва ли не всю ночь шатался по злачным тайным местам Петербурга, пытаясь найти человека, который бы согласился за плату выправить ему нужную бумагу, которая могла бы спасти Машеньку от страшного приговора и наказания. К тому же все эти тревожные дни Григорий постоянно пил, пытаясь заглушить в себе мысли об опасности и о том, чем может обернуться для него дерзкий поступок, убеждая себя, что у него все получится, и он сможет освободить девушку из тюрьмы. Позже он надеялся помочь Маше, ее отцу и брату как можно скорее покинуть Петербург, а возможно, и Россию, дабы Озеровы

смогли бы переждать гнев и опалу государыни на чужбине.

Глушков едва дописал последний рапорт, как в его кабинет тихо постучались. Комендант вскинул глаза и проворно встал. Он приблизился к двери, на ходу отметив, что девушка все так же крепко спит в неподвижной позе, свернувшись калачиком на диванчике. Отворив дверь, Глушков уставился усталым недовольным взором на прапорщика Борисова и проворчал:

– Ну?

– Вы не спите, Егор Васильевич? А то я свет увидел и хотел доложить.

– Что там у тебя, Борисов?

– Поручик с приказом от императрицы прискакал.

– От самой императрицы? – опешил комендант. Быстро выйдя в коридор, Глушков прикрыл дверь своего кабинета и внимательно взглянул на Борисова.

– Да. Приказ на освобождение из заключения всех Озеровых. Некий поручик Чемесов привез.

– Ясно.

– Я распорядился пока двоих Озеровых освободить и в комендантскую доставить, а сам к вам пошел. Ведь барышня Озерова у вас.

– Когда поручик тот пожаловал? – спросил подозрительно Глушков.

– Так уж более часа будет.

– В Зимний гонца проверить послали?

– Так точно, Егор Васильевич, как вы и приказывали при особо важных случаях, все документы проверять. Шукшин ускакал верхом час назад.

– Молодец, Ваня, – кивнул Глушков, похлопав прапорщика по плечу. – Где поручик тот, Чемесов?

– Дак там же, в комендантской дожидается вместе с Озеровыми. Я же говорю, я за девицей пошел к вам. Ну, чтобы ее тоже освободить...

– Погодь еще. Странно все это, – нахмурился Глушков, что-то обдумывая. Егор Васильевич прекрасно помнил указ императрицы с жестоким приговором для Озеровых, и визит княгини Д, которая также жаждала, чтобы арестанты как можно скорее понесли наказание. А этот неожиданный приказ на освобождение совсем не вписывался во всю картину. – Надо дождаться положительного ответа из дворца. Пойдем.

Комендант с Борисовым быстро последовали по каменному темному коридору, освещая путь фонарем.

– Доброе утро, господа, – заметил Глушков, входя в комендантскую и недобрым взглядом оглядывая высокую фигуру поручика в форме Измайловского полка, двух Озеровых, отца и сына, которые выглядели грязными, удрученными и недовольными, и двух охранявших их солдат, стоящих рядом и, видимо, ожидающих дальнейших приказаний. Озеровы еще вчера узнали об убийственном указе государыни и ссылке в Сибирь, и в эту пору поручик Чемесов с новым

указом о помиловании стал словно спасителем для арестантов, которые уже и не надеялись на избавление. Глушков обратился к молодому человеку: – Комендант крепости Глушков. С чем пожаловали, милостивый государь?

– Поручик Григорий Петрович Чемесов. Я привез указ императрицы на освобождение господ Озеровых.

Григорий без промедления приблизился к Глушкову и протянул бумагу. Сверток оказался уже распечатанным, видимо, рукой Борисова, и Егор Васильевич, нахмурившись, пробежался глазами по его содержимому. Действительно это был приказ на освобождение всех троих Озеровых, подписанный самой императрицей. Сургучная печать скрепляла данную бумагу, и указ показался Глушкову подлинным. Однако некое сомнение оттого, как быстро поменялась воля государыни, все же скребло Егора Васильевича, и он, подняв глаза на молодого человека, который напряженно и как-то одержимо смотрел на него прямо в упор, заявил:

– Весьма странный указ, если знать, что прежний был совершенно иного содержания.

– Вы намерены обсуждать волю государыни нашей? – выпалил Чемесов, сжав кулак.

– Нет. Но все же это все странно, – не унимался комендант.

– Вот указ. Вы обязаны освободить заключенных. Мы ждем только госпожу Озерову.

– Слишком вы притки, сударь, – заметил Глушков и за-

молчал. Он пытался тянуть время, чтобы дождаться возвращения своего гонца. Представлял, что верхом тому надобно не более четверти часа, чтобы достичь Зимнего. Ну и около часа, чтобы узнать, действительно ли указ подписала Екатерина Алексеевна.

В комендантскую заглянул Борисов и выпалил:

– Егор Васильевич, приехал!

– Зови, – приказал Глушков.

В комнату вошел запыхавшийся солдат, по шляпе которого ручьями стекала вода. Он быстро приблизился к Глушкову и что-то прошептал ему на ухо. Уже через миг комендант поднял давящий взор и, обведя им Чемесова и двух Озеровых, отчеканил:

– Государыне ничего не известно о сем указе. Потому я делаю вывод, что вы, поручик, привезли поддельное послание.

Григорий поменялся в лице и, смертельно побледнев, выпалил:

– Как вы смеете, милостивый государь!

– Смею, еще как смею, – вымолвил твердо Глушков и властно велел: – Озеровы останутся под арестом, а вы, сударь, немедленно покиньте крепость, пока я не настрочил рапорт о вашем своеволии!

Не успел комендант договорить свою фразу, как Чемесов стремительно вытянул из ножен свою саблю и, схватив Глушкова за горло, прижал его к себе спиной, приставив острие

к шее Егора Васильевича.

– Не двигаться! – гаркнул Чемесов, обводя глазами двух солдат, гонца и Борисова, которые также выхватили в ответ сабли и уже было бросились к нему. Глушков попытался сопротивляться хватке Чемесова, но молодой человек еще жестче надавил на лезвие, и оно сильнее впилося в горло коменданта. – Прекратите! Иначе изведаете моей сабли!

Глушков замер, недовольно поджав губы, а солдаты и прапорщик остановились.

– Оружие на пол! – скомандовал Григорий. – Ну, кому сказал! И ружья тоже!

Солдаты, гонец и Борисов, недовольно сверкая глазами, кинули сабли и ружья на пол, оставшись на месте. Кирилл Петрович и Сергей Озеровы, стояли неподвижно и лишь ошарашенными глазами смотрели за всем.

– Чемесов, вы спятили? Да вас под трибунал за это отдадут! – прохрипел Глушков, не в силах нормально дышать, потому что молодой человек как будто железным кольцом руки сжимал его горло.

– Ха, на испуг берешь! Да мне уже ничего не страшно! – бравируя, выпалил Чемесов, испепеляя глазами солдат и прапорщика. Видя, что они ждут удобного момента, чтобы накинуться на него, Григорий гаркнул: – А ну отойдите к окну! Ну!

– Мы отойдем, ваше благородие, – сказал увещательно Борисов, пятясь к окну и не спуская напряженного взора с

молодого человека. – Только вы с саблей поосторожней там. Не ровен час, пораните Егора Васильевича.

– Вы пьяны, поручик, сейчас же отпустите меня и уберите оружие! – процедил в бешенстве Глушков, осознавая, что за все время его службы комендантом подобного случая не случилось и теперь это положение пойманного было для него невозможно унижительным.

– Уберу после того, как вы отпустите Озеровых на свободу! – процедил Чемесов.

– Вы же знаете, что это против воли государыни! – процедил сквозь зубы комендант.

– Хватит болтать! – прохрипел уже недовольно Григорий. – Немедля велите привести Марию Кирилловну!

– И тогда вы отпустите меня? – поинтересовался недовольно Глушков.

– Отпущу после того, как Озеровы покинут крепость! – выпалил Григорий и указал головой на Озеровых, которые напряженно следили за ними. – И велите развязать им руки. Ну, немедленно прикажите им!

– Развяжите их, – проскрежетал сквозь зубы Егор Васильевич. И один из солдат бросился исполнять, проворно развязывая руки Сергея.

– Хорошо, – кивнул Чемесов и добавил: – А теперь за Марией Кирилловной велите послать, да побыстрее!

– Поручик, вы же знаете, что дальше крепости вам не уйти с арестантами, – начал увещательно комендант.

– Я сейчас приказываю! И требую освободить Озерову! – вспыхнул Чемесов и надавил сильнее острым лезвием сабли на горло Глушкова. Мгновенно струйка крови потекла по щеке Егора Васильевича.

– Борисов, приведи госпожу Озерову, – тихо сказал Глушков и указал странным взглядом на дверь, которая находилась за спиной Чемесова, через которую четверть часа назад они вошли с прапорщиком.

– Слушаюсь, – кивнул Борисов, поняв тайный приказ.

Борисов, медленно пройдя мимо Чемесова и Глушкова, зашел за спину молодого человека, приблизившись к двери. Чемесов напряжено проследил глазами за Борисовым. Прапорщик в один момент распахнул дверь и почти уже вышел. Но в этот миг один из солдат дернулся к Чемесову, и Григорий был вынужден обернуться вместе с удерживаемым железной хваткой комендантом. Воспользовавшись этим, Борисов кинулся на Чемесова сзади и, схватив его удушающе за горло, второй рукой попытался отобрать у Григория саблю. Началась потасовка, и солдаты испуганно воззрились на них, не зная, что делать. Чемесов со всей силы ударил Глушкова в лицо, и тот от сильного удара упал, чуть отлетев в сторону.

– Бегите! – неистовство заорал Григорий Озеровым, пытаясь бороться с Борисовым, который ударил его в живот. Двое солдат подбежали к Чемесову, пытаясь усмирить его. Но Григорий неистовым ударом отшвырнул Борисова к стене и нанес удар одному из солдат в челюсть.

– Но как же Маша?! – растерянно сказал Кирилл Петрович. Шукшин, второй солдат, быстро схватил с пола ружье и взял на прицел Озеровых, чтобы они не посмели помочь Григорию.

– На свободе вы ей больше поможете! – прохрипел Чемесов, нанося и отбивая удары двух других солдат.

В следующий миг Сергей, руки которого были уже свободны, схватил за дуло ружье Шукшина, стоящего перед ним и резко вырвал оружие из его рук. Стремительно ударив кулаком в живот Шукшина, который осел на пол, Сергей бросился к двери. Проворно распахнув ее, он крикнул отцу:

– Быстрее!

Кирилл Петрович, кинулся вслед за сыном, и Озеровы выбежали в коридор, а затем и на улицу. Глушков, который едва оклемался от сильного удара Чемесова, чуть приподнялся на локтях и огляделся.

– А ну, стойте! – зло прокричал Егор Васильевич, увидев, что арестанты уже на улице. Обернувшись к Чемесову, с которым опять боролся Борисов и двое других солдат, он гаркнул: – Остановите Озеровых! Иванов, Гусев, а ну задержите их! Да ружья возьмите! Приказываю стрелять, если не остановятся!

Солдаты, которые помогали Борисову, оглянулись на коменданта и тут же подбежали к своим ружьям, лежащим на полу. Они схватили оружие и бросились вслед за арестантами на улицу. Спустя мгновение сквозь открытую дверь с ули-

цы донеслись крики солдат, которые требовали от Озеровых остановиться, а затем раздались громкие ружейные выстрелы.

Глушков тяжело поднялся на ноги и, схватив одну из сабель, валявшихся на полу, проворно подскочил к Чемесову, который в эту секунду стоял к нему спиной, и со всей силой ударил его рукоятью по голове, оглушив. Григорий дернулся и тяжело упал на пол перед комендантом.

– Ух, смутьян! – процедил Глушков и, переведя взор на Борисова, велел: – Давай, запри его в камере. Потом с ним поговорю!

С улицы вновь послышалась стрельба и крики, и Глушков, отметив, что Шукшин так и лежит на полу и стонет, схватившись за живот, устремился к ружью, лежащему на полу. Быстро подхватив его, Глушков побежал на улицу, собираясь лично проследить за задержанием беглецов.

Яростная стрельба и громкие, отрывистые, командные крики, доносившиеся с улицы, разбудили Машу. Она очнулась, резко сев на диванчике. Девушка отметила, что она одна и коменданта в комнате нет. Светало, и она вновь услышала топот, дикие людские крики и стрельбу. Маша бросилась к окну и увидела жуткое зрелище – бегущих к тюремным воротам отца и брата. Они уже были у ворот, как вновь раздались выстрелы ружей. Девушка приникла в ужасе к окну и увидела, что их преследуют двое солдат, что-то крича. Ма-

ша едва разобрала слова солдат, понимая, что они требовали остановиться. Но Сергей и отец проигнорировали окрик солдата, продолжая бежать, и в следующий миг один из солдат опять выстрелил. А за ним и другой. Кирилл Петрович оглянулся на преследовавших его солдат и вдруг болезненно вскрикнул, схватившись руками за лицо, и свалился на землю.

Маша в ужасе закричала, отпрянув от окна. Не теряя ни секунды, девушка устремилась прочь из кабинета коменданта. Дверь оказалась незаперта, и Маша, преодолев короткое расстояние по сырому мрачному коридору, уже через пару минут вбежала в просторное помещение и увидела лежащего на полу солдата. Он как-то жалобно стонал и корчился, схватившись руками за живот. Девушка увидела впереди открытую дверь, которая вела на улицу, и подбежала к ней.

Как будто в кошмаре она распахнула створку и вырвалась наружу. Яркие оранжевые рассветные лучи солнца ослепили ее, заставив на секунду зажмуриться. Но тут же, прищурившись, Маша разглядела далеко впереди Глушкова и двух солдат, которые бежали и стреляли из ружей. В следующую секунду девушка расширившимися от ужаса глазами увидела, как ее брат, Сергей, достигнув ворот, также упал навзничь. Она испуганно вскрикнула. На ее отчаянный крик обернулся Глушков. В тумане утра из-за дыма от ружей он не разглядел, кто стоит в дверном проеме, и лишь увидел фигуру человека. Ему показалось, что это Чемесов, который

пришел в себя и, возможно, уже разделался с Борисовым. Не раздумывая, Глушков прицелился в молодого человека и выстрелил.

Машенька резко остановилась, ощутив тупой сильный удар в грудь. Она опустила глаза и, как во сне, увидела, что ткань на ее платье под грудью разорвана от пули. Вновь раздалась выстрелы. Машенька начала падать, ощущая, как горячий свинец впился в нежную кожу. А в следующее мгновение невыносимой болью вдруг наполнилось ее бедро. Ноги подкосились, и она, сильно ударившись головой о косяк, стала медленно оседать, теряя сознание.

Спустя полчаса Глушков, обходя убитых Озеровых, тела которых лежали во дворе тюрьмы, печально бубнил себе под нос бранные слова.

– Как же так вышло-то, Ваня? – спросил он у находившегося рядом прапорщика Борисова, который, уже определив Чемесова в камеру, теперь вернулся в распоряжение коменданта.

Борисов еще раз внимательно ощупал шею недвижимой Озеровой и, поднявшись на ноги, тихо заметил:

– Тоже мертва. Пульса нет, Егор Васильевич.

– И что мне прикажешь делать со всем этим? – удрученно заметил Егор Васильевич.

– Наверное, надо доложить в тайную канцелярию обо всем. Что Озеровы хотели бежать, и мы их подстрелили.

— Дурак! — выпалил Глушков, смотря печальным взором на тело Машеньки, которое солдаты затаскивали обратно в комендантскую. — Да меня за то, что я поддельную бумагу не различил и позволил бесчинству этому совершиться, вмиг в солдаты разжалуют.

— Но как же так, Егор Васильевич?

— А вот так, сударь мой, — покачал головой комендант, также входя в комендантскую, где солдаты проворно складывали тела убитых в угол. — Скажут, что не могу даже уследить за арестантами, раз они побегу мне в крепости устраивают.

— Но что же делать? — спросил Борисов. Шукшин, сидящий на полу, и двое солдат почтительно молчали.

— Вот я и думаю. А знаешь, Ваня, придумал я вот что. Эй, Иванов, Гусев!

— Слушаем, ваше благородие? — отчеканили солдаты.

— Узнайте, когда хоронить будут, сегодня или завтра? Вроде сегодня должны. День-то четный. Да всех троих в телегу к остальным мертвым определите. Поняли?

— Поняли, сделаем, — кивнули солдаты.

— Да так, чтобы никто не знал, кто это. А тела пока в подвал положите.

— Слушаюсь! — ответил один из солдат, наклонившись над неподвижной девушкой, решив начать с нее.

— И чтоб молчали обо всем, что произошло сейчас. Иначе битыми будете. А если сделаете, как надобно, по рублю вам дам.

– Все сделаем, ваше благородие, – отчеканили солдаты.

Петропавловская крепость,
1790 год, Май, 12, день

– Вставай, смутьян! Говорить с тобой хочу, – грозно велел Глушков.

Распахнув отяжелевшие веки, Чемесов мрачно взглянул на коменданта, стоящего перед ним. Теперь, Григорий, едва пришедший в себя, отметил, что сидит на каменном полу, а по его лицу стекает вода. Голова молодого человека гудела от полученного удара, но он все же тяжело поднялся на ноги и ощутил, что его руки связаны за спиной. Тут же, вспомнив все, Чемесов порывисто выпалил, обращаясь к коменданту:

– Где Озеровы? И Мария Кирилловна, что с ней?

– Мертвы они, – вымолвил сухо Глушков, приблизившись к Григорию.

– Что-о? – прохрипел, холодея, молодой человек.

– То-то и оно. Решили убежать, да солдаты мои, не желая того, в суматохе пристрелили всех их.

– Застрелили?! – пролепетал в ужасе Чемесов, не в силах поверить в страшные слова коменданта.

– А то как же? Отца-то их сразу же Иванов уложил пулей, а сын и дочь пытались и далее бежать, ну и их пришлось, чтобы не убегли. Да что тут, сами и виноваты.

– Врешь, все врешь, сукин сын! – прохрипел Григорий и,

бросившись на коменданта, со всей силы ударил его плечом в грудь.

— А ну, не тронь его! — прокричали сбоку, и два солдата быстро оттащили Григория от Глушкова и отшвырнули молодого человека к стене. Сильно ударившись плечом, Чемесов прислонился к стене и, смотря диким взором на толстого коменданта, никак не мог поверить в смерть Машеньки и ее родных.

— И отчего это я вру, сударь мой? — процедил Егор Васильевич, оправляя мундир, и, морщась, добавил: — Когда я сам их трупы осмотрел и всех троих велел в общую могилу скинуть. Сегодня поутру как раз ее рыли для других умерших в крепости. Так уж похоронили поди их, как и подобает.

Услышав эти слова, Чемесов смертельно побледнел, и ему показалось, что рухнуло небо. То, чего он боялся все последние страшные дни, свершилось и теперь представляло дикую суровую реальность.

— Да вас за это разжалуют и самого под трибунал подведут! — прохрипел Григорий в негодовании, не в силах принять то, что Машенька мертва.

— Как же! Разжалуют, испужал! — процедил Глушков. — У меня все беспокойные дохнут, как мухи, и каждую неделю. И ничего! Командование на это глаза закрывает. Ибо понимает, что более никак мне буйных и беспокойных не усмирить!

— Но после того, как я доложу императрице о том, что здесь происходит... — Чемесов опять напрягся и вновь воз-

намерился броситься на коменданта.

– Доложишь? – процедил Егор Васильевич. – А ну, ребята, врежьте ему как следует, чтобы присмирел уж!

Тут же на Григория накинулись трое и начали бить его. Молодой человек попытался ответить им, но у него были связаны руки. Спустя несколько минут солдаты отшвырнули Чемесова к стене, и молодой человек с разбитой губой и побитыми боками тяжело осел на пол. Но Григорий быстро нашел в себе силы и вновь поднялся на ноги. Испепеляя Глушкова ненавидящим взглядом, он прищурился и выплюнул:

– Хороши у вас методы, господин комендант, нечего и добавить.

– То-то! Угомонись уже, – заметил недовольно Егор Васильевич и приблизился к Чемесову на несколько шагов. – Ты лучше давай говори, с какой целью проник в крепость? Хотел преступников освободить? Ты с ними в сговоре?

– Вы душегуб, как вы посмели дать приказ стрелять! Вы понимаете, что наделали?! – выпалил в сердцах молодой человек.

– А ну, заткнись! – взорвался Глушков, потеряв вмиг терпение, и стремительно ударил Григория в лицо кулаком.

Молодой человек выдержал удар и, злобно зыркнув на коменданта, в следующую секунду кинулся на Глушкова. Хотя его руки были связаны сзади, Григорий со всей силы ударил коменданта ногой в живот, и тот отлетел к противоположной стене. Григорий уже бросился к нему, намереваясь нанести

еще удары. Не ожидая такого буйного поведения от молодого человека, солдаты тут же кинулись к Чемесову и начали бить его со всей силы, оттаскивая от Егора Васильевича, который, схватившись руками за живот, хрипел, сидя на полу. Григорий попытался бороться с солдатами. Но его оглушили прикладом по голове, и он вновь потерял сознание.

Когда Чемесов снова пришел в себя, он отметил, что находится в той же зловонной камере. Он был без мундира, в одной рубашке и панталонах. Его руки были связаны над головой. Он висел на веревках, стягивающих запястья, вздернутый к каменному потолку за железный крюк. Его ноги едва доставали носками до пола, а все тело ныло от полученных ударов. Перед ним возникло толстое неприятное лицо коменданта.

– Ну что, так лучше, ваше благородие? – с издевкой заметил Глушков.

– Вы... гнусный человек, – выплюнул Чемесов и закашлялся, ибо ощутил под ребрами невыносимую боль. Он чуть опустил взор вниз и отметил рану на боку, которая кровью сильно намочила его рубашку. Григорий вмиг вспомнил, как при схватке один из солдат полоснул его острием сабли, еще при потасовке в комендантской.

– Ты, как я погляжу, буйный совсем, оттого теперь будешь на крюке у меня висеть, – прокомментировал Егор Васильевич. – Ишь, что удумал, драться со мной! Да я велю прибить тебя до смерти, и все. И вообще говорить с тобой не буду!

– Видимо, вы со всеми заключенными так и поступаете, – выплюнул Чемесов, пытаясь стянуть руки с крюка и сплевывая кровь с разбитой губы. Он ощущал, что один глаз его залит кровью, которая стекала из раны на голове, отставленной солдатским прикладом. – Мерзавец вы еще тот!

– Заткнись! – прохрипел Глушков и снова со всей силы саданул Чемесова в челюсть. Молодой человек потерял сознание и повис на руках.

– А ну, окатите его, – приказал комендант. Солдат послушно набрал в ведро ледяной воды из деревянной кадки и выплеснул в лицо Григория. Тот тут же пришел в себя и напряг руки, привстав на носках. Подняв голову, Чемесов одним, не залитым кровью, глазом посмотрел на коменданта и прохрипел:

– А, господин комендант! Я думаю, императрице все же будет интересно узнать, как вы замучили и убили всех Озеровых, несмотря на ее милостивое повеление никого не казнить.

– Ты это что, вздумал угрожать мне, ваше благородие? – пророкотал комендант. – Так ты, буян, и сам преступник. Ты хитростью вломился ко мне в крепость и пытался освободить государственных преступников! Тебя самого следует отправить по этапу в Сибирь!

– Когда государыня узнает обо всем, вы точно вылетите с этого места.

– Испужал! Да во всех моих рапортах все умершие чис-

лятся от переохлаждения и болезней! И столько лет все это устраивало императрицу.

– Но, я-то знаю, что это не так! И про Озеровых точно доложу, куда следует! – не унимался Чемесов.

– А ну замолчи, мальчишка! Я тебе доложу! Да я тебя немедленно собственными руками придушу, наглец!

Руки Глушкова уже потянулись к молодому человеку. Но в последний момент комендант остановил себя и чуть отошел от Чемесова, отвернувшись. Отдышавшись и успокоившись, Егор Васильевич вновь обернулся к молодому человеку и предложил уже более спокойно:

– Слушай, Григорий Петрович, давай по-хорошему. Так и быть, я выпущу тебя. Не нужен ты мне здесь, тем более никто ничего не знает про тебя. Но ты должен молчать обо всем, что произошло этой ночью.

– А если я не буду молчать? – процедил Чемесов.

– Тогда дураком будешь! – взорвался комендант. – Озеровым все равно не помочь уже. Я бумаги подписал, что девочка умерла от горячки в тюрьме, а ее отец и брат помрут по документам через неделю, когда их погонят по этапу в Сибирь. Так что все документы, подтверждающие мою невиновность в их смерти, имеются.

– Все у вас хорошо устроилось, так? – убитым голосом прохрипел Григорий. – Только с того света этим Озеровых не вернуть!

– Вот именно, не вернуть. А ты-то жив! Чего сам себе

яму копаешь? Никак не пойму, — проскрежетал Глушков. — Я ведь на тебя могу бумагу составить, о твоём самоуправстве, что ты хотел Озеровым помочь сбежать, и тогда тебя самого уж точно у меня в казематах сгноят. Так что давай не буянь, а прими все как должное.

Егор Васильевич внимательно посмотрел на молодого человека, который с ненавистью глядел на него горящими карими глазами и лишь сжимал недовольно зубы. Было видно, что внутри Чемесова идет борьба. Через пару минут Глушков приблизил лицо к лицу Григория, подняв на него глаза, так как молодой человек был выше, и спросил:

— Ну что, надумал? На свободу пойдешь? Или тотчас рапорт на тебя настрочу, как на соучастника Озеровых.

Сплюнув в очередной раз кровь, Григорий чуть прикрыл глаза и яростно сжал челюсти. Да, действительно, комендант был прав, его свобода висела на волоске. Чемесов понял, что, если и дальше будет упорствовать в своем недовольстве, его наверняка надолго упрячут в тюрьму. Так что выход, который теперь предлагал ненавистный толстяк, был не так уж и плох.

— Я буду молчать, — вымолвил через силу Григорий.

— Вот и молодец, — кивнул Егор Васильевич. — Эй, развяжите его!

Двое солдат сняли Чемесова с крюка и начали развязывать ему руки. Спустя четверть часа Григорию выдали мундир, оружие и шляпу, и под конвоем двух солдат он напра-

вился прочь из казематов Петропавловской крепости. Его провели по мосту, который был раскинут через заводь Невы, и Григорий приблизился к заградительным будкам, где стояли часовые. Солдат открыл перед Чемесовым тяжелую дверь и подтолкнул его к выходу.

– Давай иди, ваше благородие, – заметил недовольно служивый. – И так ты много шуму наделал здесь. Да лучше не возвращайся.

Григорий медленно, тяжело переступил порог оградительной будки и, сделав несколько десятков шагов по инерции, остановился.

Вечерело. Прохладный весенний ветер овеял лицо молодого человека, и Чемесов невидящим взором посмотрел перед собой. Уловил, как дверь за его спиной заскрипела, закрываясь на засов, и его душу охватило ледяное, жуткое чувство утраты и тоски. Его раны ныли от пережитых мук, а сердце разрывалось от безмерной боли. Не в силах устоять на ногах от обуревавших его терзаний и трагических событий, произошедших с ним сегодня, Григорий упал на колени в грязь и, сжав голову окровавленными руками, отчаянно взвыл, как раненый зверь. По его лицу покатилась скупая мужская слеза от боли и отчаяния, потому что перед его затуманенным взором вновь предстал образ Машеньки.

Никогда в жизни Григорий не плакал, но теперь, стоя на грязной земле на коленях, и чувствуя к себе омерзение и ярую ненависть, он осознал, что походя и бездумно погу-

бил невинных людей, отца и брата Машеньки. И сгубил ее, это нежное юное создание, наивную девушку, которая всегда смотрела на него своими синими чистыми глазами, полными обожания. И погубил ее в угоду своему тщеславию и эгоизму, лишь желая возвыситься.

Но именно теперь в этот отчаянный миг, Григорий понял, что все эти жертвы и смерть Машеньки Озеровой не стоили никакого возвышения и власти, сейчас он осознал, что его душа навек погублена и осквернена безвинной жертвенной смертью любимой девушки и ее родных...

Неподалеку от Петропавловской крепости,
1790 год, Май, 12, вечер

Трупное зловоние коснулось ноздрей Маши, и она очнулась. Сумерки окутали округу. Чуть повернув голову, девушка увидела перед собой большое тело мужчины. Его посиневшее лицо было прямо перед ее мутным взором. Он не двигался, девушка мгновенно узнала в бледном мужчине брата Сергея и похолодела. Она хотела вскрикнуть от ужаса, но ее отяжелевшее раненое тело было так измучено, что с губ сорвался лишь глухой хрип. Она попыталась привстать и тут же, приподнявшись на руках, заметила с другой стороны от себя окровавленное тело отца. Страшная рана пересекала все его лицо, а на месте вытекшего глаза зияла черно-багровая дыра. Жуткое зрелище повергло девушку в невозмож-

ный ужас, и она, задрожав всем телом, осознала, что и Сергей, и отец мертвы и теперь отчего-то оказались рядом с нею. Ощущая, что лежит на чем-то мягком, Маша опустила вниз слабую руку и нащупала под собой мертвое тело обезображенного мужчины. Осознавая, что находится среди трупов, от которых исходит смрад, и видя мертвые и окровавленные лица отца и брата, а также чувствуя нечеловеческую боль в правом бедре и под грудью, Машенька ощутила, как у нее закружилась голова от жуткого омерзения и боли, и она, приподнявшись на подломившихся, дрожащих и ослабевших руках, упала, вновь потеряв сознание.

Солдаты, сопровождавшие повозку с мертвыми, даже не услышали хрипов девушки, направляясь к назначенному месту. Спустя четверть часа телега с трупами остановилась, и солдаты, прежде чем хоронить умерших в общей могиле, решили покурить трубки. Они отошли подальше от повозки, ибо некоторые покойники невозможно воняли разложением. В это время к ним приблизилась темноволосая неприятная на вид цыганка в красном платке и черной накидке, из-под которой виднелась грязная темная юбка. Она сунула серебряную монету солдатам, и те позволили ей снять одежду с мертвых. Солдатское жалование было скудным и оттого рядовые часто продавали одежду с мертвых цыганам, которые не брезговали ничем.

Довольная женщина, которой на вид было около сорока лет, медленно проследовала нетвердой от выпитого вина по-

ходкой к повозке с наваленными на нее трупам. В основном здесь были мужчины, но сбоку, ближе всего к ней, лежало неподвижное тело стройной женщины в дорогом синем платье. Шанита оценила цепким взором богатый наряд незнакомки и ликующе проворчала, довольная тем, что всего за монету сможет получить такое шикарное платье для себя или продать его кому-нибудь из табора. Мертвая женщина была довольно изящной, и Шанита, пройдясь по телу взглядом, отметила, что ее руки очень тонки и юны.

Наклонившись, цыганка увидела, что мертвая еще совсем девочка. Она быстро перевела взор на платье и начала осматривать его. Через секунду Шанита вновь посмотрела на лицо девушки и застыла. Синие, бездонные, полные боли глаза были открыты, и вдруг с губ умершей сорвалось:

– Матушка, помогите мне...

Цыганка невольно шарахнулась от испуга, тут же протрезвев. Шанита уставилась ошарашенным взором на окровавленную девушку. Лоб и щеки ее были в грязи, а волосы спутаны, но ее облик, невинное, юное и невероятно родное лицо словно каленым железом врезалось в заledenевшее сердце Шаниты. Девушка была невероятно похожа на ее умершую дочь, только была чуть постарше. Темные, почти черные волосы, бледная кожа, темные ресницы, полноватые губы, все это было так похоже на черты ее покойной Гили, которая скончалась от чумы десять лет назад. Лишь глаза девушки имели синий оттенок, в отличие от карих очей ее

умершей дочери. Шанита прижила Гили от одного офицера царской армии и очень любила ее. Но потом Боги забрали, ее и последние десять лет Шанита, желая заглушить душевную боль от потери любимой дочери, беспробудно пила. И теперь, смотря в нежное, родное лицо девушки цыганка ощутила, что Господь смилостивился над нею и вновь послал ей с того света родное дитя, которое теперь, окровавленное лежало перед ней. Ее худенькое тело с лицом, лишенным всех красок, было так юно и беспомощно.

Решение – дикое, сильное, дерзкое – было принято Шанитой стремительно. Быстрым взором она огляделась по сторонам и заметила, что солдаты не обращают на нее внимания и вообще отошли к дальним кустам. В следующий миг цыганка наклонилась над девушкой и отметила, что с губ раненой срываються болезненные хрипы и тихие, чуть слышные стоны. Положив на лоб девушки худую руку, Шанита наклонилась над нею и прошептала:

– Закрой глазки, доченька, я помогу тебе.

Та послушно смежила веки и словно впала в забытье.

Шанита выпрямилась и проворно развязала свой плащ. Быстро сняв со своих плеч широкий платок, она просунула его под худенькое тело девушки. Притиснувшись к телу раненой, цыганка связала концы платка на своей груди, перекинув их через плечи. Озираясь в сторону солдат, которые стояли к ней спиной, Шанита проворно выпрямилась, и девушка оказалась привязанной к ее спине. Цыганка была вы-

сокого роста, оттого ступни раненой доставали лишь до голеней Шаниты. Цыганка стремительно накинута сверху широкий плащ, поднимая столь неожиданно и чудесно доставшуюся ей ношу.

Чуть склонившись под тяжестью и ощущая, что девушка невероятно легка, Шанита, озираясь на солдат, которые курили трубки и о чем-то говорили, едва ли не бегом устремилась к ближайшему пролеску, который начинался у края дороги. Цыганка долго шла в сторону их лагеря, с опаской оглядываясь и вот-вот ожидая погони. Но ей повезло, и никто не заметил пропажу одного из мертвых тел, и погони не было. Уже через полчаса, тяжело дыша от долгой дороги и веса девушки, которая хоть и была легка, но все же недостаточно для худощавой Шаниты, цыганка добралась до своей кибитки. Здесь ее окликнул их вожак, но женщина проигнорировав его вопрос, без промедления взобралась в свою кибитку и только здесь, скинув плащ, опустила девушку на пол...

Глава VI. Цыганка

Окрестности Петербурга, цыганский табор,
1790 год, Май, 16

Уже третьи сутки Машенька бредила и почти не приходила в себя. Рана на ее бедре ныла и постоянно кровоточила. Шанита все эти дни не отходила от девушки, отпаивая ее настоями из трав и обтирая лицо и руки прохладной водой. Жар у девушки никак не спадал, и она лишь иногда приходила в себя. Еще в первый же вечер цыганка, раздев девушку, осмотрела ее раны на бедре и под грудью. Пришлось звать цыганского знахаря, деда Рабина, который, промыв раны, заявил, что пуля в бедре девушки прошла навылет, оттого следует только поливать рану крепким вином и делать повязку с заживляющими мазями на травах. Под грудью рана была невелика – небольшая царапина. Шанита делала все, как велел знахарь, и постоянно была рядом с больной. К вечеру четвертого дня Машенька пришла в себя и, открыв глаза, непонимающим взглядом посмотрела на приятное смуглое лицо цыганки.

– Где я? – пролепетала больная, осматривая стены из окрашенной парусины убогой и небольшой кибитки, внутри которой лежала. Шанита улыбнулась и ласково сказала:

– Наконец-то ты пришла в себя, дочка. Я так боялась, что

помрешь. Не бойся, ты у меня.

– Вы спасли меня?

– Да. Солдаты хотели тебя похоронить. Они думали, что ты мертва.

– Наверное, – вымолвила Маша и попыталась было подняться, но руки ее подломились от слабости, и она вновь упала на большую цветную подушку.

– Лежи, дочка, ты же очень больна, – заботливо произнесла Шанита и поправила одеяло, которым укрывала Машу.

– Благодарю вас, – тихо произнесла девушка и, сглотнув горечь в горле, попросила: – Могу я немного побыть у вас? А то мне что-то совсем плохо...

– Конечно оставайся, доченька, – кивнула Шанита, сев ближе к девушке и поджав под себя скрещенные ноги, цыганка погладила Машу по распущенным чуть влажным от пота темным волосам и произнесла: – Я как увидела тебя, так сразу поняла, что ты мне как родная. – И, видя недоуменный взгляд девушки, добавила: – Похожа ты очень на мою дочь, покойную Гили. Она тоже такая же красивая была, да худенькая. Только не уберегла я ее, а тебя мне, видимо, Господь послал, чтобы ты со мной была и горькую старость мою утешила. Живи, сколько хочешь, я не гоню тебя.

– Спасибо вам, матушка, – поблагодарила Маша и испуганно добавила: – Могу я вас так называть?

– Если будешь называть так, мне только приятно. Как тебя зовут?

Девушка напряглась и тихо вымолвила:

– Могу я не говорить этого?

– Как хочешь, дочка, – кивнула Шанита. – Тогда я буду звать тебя Рада. Оттого, что ты радость мне своим появлением принесла. Может, ты есть хочешь?

– Нет. Пить только, – попросила Маша, вновь пытаясь привстать на локтях. Это у нее получилось, и Шанита, кивнув, поднесла к ее губам оловянную кружку с темным лечебным чаем. Девушка попила и поблагодарила цыганку. Заметив, что под одеялом она обнажена, Маша тихо спросила:

– А мое платье?

– Не переживай, я его постирала. Оно сейчас сушится.

– Сушится? Но... – замялась девушка, вспомнив про древний кулон матери, вшитый в лиф. Она испугалась того, что, возможно, цыганка нашла его.

– Оно сильно изорвано на груди, я хотела зашить.

– Могу я сделать это сама, когда мне лучше станет? – спросила Маша.

– Как хочешь, – пожала плечами Шанита и проворно достала из угла кибитки темно-синее платье. Девушка тяжело и стесненно села и, взяв свой изодранный наряд из рук цыганки, начала ощупывать лиф. Да, на груди действительно зияла небольшая дыра, след от пули, однако на ощупь кулон все еще был на месте. Машенька с облегчением выдохнула и быстро отложила платье в сторону. Она вновь тяжело опустилась на подушку.

– Бедро у меня сильно ноет, – пролепетала Маша, вновь прикрыв глаза.

– Так ранена ты. Дед Рабин мази дал, сказал, что еще пару недель болеть тебе. А на груди рана почти затянулась, лишь царапина глубокая была. Позже я снова перевяжу тебя, доченька.

– Спасибо вам за заботу. Даже не знаю, как с вами расплатиться. Денег-то у меня совсем нет. При аресте в крепости сережки и кольца у меня все отобрали.

– Еще чего выдумала? – нахмурилась цыганка. – Ты для меня как солнце, счастье мне принесла. Вот смотрю на тебя, Рада, и вижу дочь свою покойную, будто жива она. Ты одним своим видом мне радость приносишь. А деньги что? Пыль одна – сегодня есть, завтра нет. А живому человеку цены нет.

Вслушиваясь в мудрые, простые слова цыганки, Машенька вдруг осознала, что та говорит великую истину. Ведь нынче Маша была одинока на этом свете. И никакое богатство и положение при дворе не смогли уберечь ее мать, отца и брата от смерти. Они на том свете, и вернуть их невозможно. На глаза девушки навернулись слезы, и она тихо спросила у Шаниты:

– А та телега с мертвыми, где вы нашли меня, она... – Маша замялась, – те люди мертвые, что с ними стало?

– Так солдаты похоронили их в общей могиле.

– А вы знаете где?

– Ну, именно тех не знаю. Но знаю место, где обычно хо-

ронят.

– Вы покажете мне?

– Как поправишься, непременно покажу, – кивнула цыганка.

– Спасибо вам, матушка. Вы очень добры.

– Так ты останешься у меня в кибитке? Табор наш стоит у южной окраины города. А через месяц, наверное, в сторону Ревеля подадимся. Давно там не были.

– Я хотела бы остаться. Но что другие цыгане на это скажут? Я же не цыганка.

– А они откуда про то узнают? – подняла брови Шанита. – Скажу им, что ты дальняя моя родственница. Ты темноволосая да стройная. Прямо цыганка. Правда, кожа у тебя бледная да глаза светлые. Но скажу, что твой дед гоем был. Они поверят. К тому же вожак наш, Баро, мой бывший муж, я смогу договориться. Думаю, он позволит тебе остаться.

– Это хорошо, матушка, – тяжело вздохнула девушка. – Поскольку идти мне некуда...

– Вот и оставайся, – кивнула довольной Шанита.

– Только прежде я должна рассказать вам о двух вещах.

– Каких же?

– Меня могут искать власти. Оттого я и боюсь называть свое настоящее имя.

– Тебе не надо бояться. У нас в таборе всегда кто-то обитает из русских, кому скрыться надобно на время от властей. Мы уж привыкшие. Цыгане, если их попросили о помощи,

своих не выдают. Наш закон таков.

— К тому же я жду дитя...

— Да? Что-то я не заметила. Срок, видимо, мал.

— Четвертый месяц.

— А это совсем хорошо, — улыбнулась Шанита. — Детишек я люблю. Господь мне только двоих дал, да и те малыши умерли. А ты родишь, внучок у меня будет, и это к лучшему.

Маша долго молчала, внимательно глядя на цыганку, и спустя время вымолвила:

— Вы удивительная, матушка. Говорите так просто и тепло. И меня теперь принимаете, словно я родная вам. И спасли прежде. Видимо, Господь послал мне вас...

— А то как же, — кивнула довольной Шанита. — Конечно, Господь все устроил. Послал мне тебя, а тебе меня. Вот и заживем дружно, так, доченька?

Маша осталась в таборе цыган. Шанита, как и обещала, заботилась о ней: кормила, перевязывала и вообще все свободное от дел время проводила с девушкой. Обычно по вечерам, а иногда и днем Шанита ходила с другими цыганками в город, на заработки. Со слов цыганки Маша знала, что женщины в городе гадали и пели песни на площадях за деньги, а часто просто воровали кошельки у зазевавшихся господ. Большую часть заработанного цыганки отдавали вожаку Баро, оставляя себе лишь немного серебра. Мужчины у цыган занимались в основном разведением лошадей, которых по-

том продавали, или кузнечным делом. На собранные табором деньги цыгане варили общую еду, покупали ткани для пошива цветастой одежды, ремонтировали кибитки. Шанита раздобыла для Маши пару простых цыганских юбок, кофточек, чулки, расписанный цветами платок, чтобы девушке было в чем выходить на улицу.

В первый же вечер, едва оставшись одна в кибитке, Маша осмотрела свое синее порванное платье. Девушка вынула драгоценный оберег матери, край которого виднелся в разрыве, и с удивлением обнаружила в серебряной оправе кулона застрявшую пулю. Именно чеканное серебро, опоясывающее древний сапфир, задержало пулю, не позволив ей войти в сердце. А от силы удара серебряные концы кулона лишь прорвали ткань и сильно оцарапали кожу под грудью. Машенька поняла, что как раз оберег покойной матушки спас ей жизнь, остановив смертоносный свинец. Вынув пулю из оправы, Машенька вшила оберег в пояс одной из цыганских юбок, которые принесла ей Шанита. Умело заштопав свое старое дорогое платье и корсет, Машенька чуть позже отдала его Шаните, понимая, что теперь не сможет надевать подобный наряд. Спустя неделю цыганка выгодно продала платье и корсет в городе на рынке, выручив за вещи сорок рублей золотом.

Другие цыгане не заходили в кибитку Шаниты. И только по голосам снаружи Машенька догадывалась об их существовании. Девушка подозревала, что именно Шанита запре-

тила заходить кому бы то ни было, потому раненую девушку никто на видел. Цыганка сама приносила ей еду и убирала небольшое помойное ведро.

Наверное, через неделю после того, как Маша появилась в таборе, произошел неприятный случай. Шанита была в тот час в городе и должна была вот-вот вернуться. Девушка тихо лежала в полутемной кибитке и пыталась задремать, чтобы забыть о боли в бедре, которая беспокоила ее весь день. Как и все предыдущие дни, на ней была надета лишь нижняя рубашка, единственную вещь, которую девушка оставила у себя из прежнего наряда. Она почти задремала, как вдруг в кибитку забрался некий цыган и, едва откинув полог, выпалил неприятным низким голосом:

– Эй, Шанита! Где-то у тебя были ножницы?

Он говорил на цыганском говоре, незнакомом Маше. Девушка резко распахнула глаза и уставилась на молодого, некрасивого лицом цыгана, который уже влез внутрь. Тот замер у входа, и, невольно опешив, бесстыже уставился на девушку, явно не ожидая увидеть ее здесь. В следующую секунду мужчина, согнувшись, на коленях приблизился к Маше и вперился темным взором в раненую девушку, которая в этот момент приподнялась на локтях.

– Ты кто? – не удержался от вопроса цыган.

Маша, сжавшись всем телом, молчала, не понимая по-цыгански ни слова, и лишь испуганно смотрела на неприятное лицо цыгана. На вид ему было около тридцати лет или

чуть более того. Смуглое его лицо с копной непослушных вьющихся волос, с черными глазами и жестким неприятным взглядом, сразу же не понравилось ей. Цыган окинул взором девушку с темными распущенными волосами, его взор как-то странно загорелся, и в следующий миг мужчина сдернул одеяло и открыл ее всю. Маша ахнула, опешив от его наглости, и попыталась вырвать одеяло из его рук. Но цыган нагло и беззастенчиво пробежался взглядом по ее стройной бо-соногой фигурке, облаченной в одну длинную нижнюю рубашку. Он вновь что-то пролепетал по-цыгански, не отрывая наглого взгляда от стана девушки. Охнув и, проворно при-встав, она попыталась отобрать одеяло, нервно воскликнув:

– Как вы смеее?!

Только после ее слов цыган отдал ей одеяло. И после того, как она вновь прикрылась, он, не спуская с нее напряженного взора, глухо на ломаном русском произнес:

– Так, ты русская. И, что ты делаешь здесь?

– Меня пригласила Шанита, – вымолвила Маша.

Цыган прищурился и невольно подался всем телом в сторону девушки, приблизив свое лицо к ней. Он обхватил рукой ее подбородок и, понимая, что она не знает его языка, глухо спросил по-русски:

– И как зовут такую кралю?

– Шанита зовет меня Радой, – выпалила Маша, скинув его руку со своего лица, и чуть попятилась от цыгана к тряпичной стене кибитки. Его близость была напрягающе неприят-

на.

– Тагар! – раздался позади недовольный голос Шаниты, которая в этот миг влезла в свою кибитку. – Что тебе здесь надо?

Обернувшись на цыганку, Тагар ответил:

– Мне ножницы надо.

Шанита быстро сунула ножницы в руки цыгану и велела:

– Уходи!

Тагар, еще раз оглядев темным взором девушку, спросил:

– А мой отец знает про нее?

– Баро знает. Я ему все рассказала. Уходи!

На это заявление он как-то мрачно оскалился и выпрыгнул из кибитки наружу.

Постепенно Маша поправлялась, и ее бедро, пострадавшее более всего, болело все меньше. Уже через десять дней девушка смогла выходить из кибитки. Цыгане не говорили с нею, и лишь некоторые девушки, знавшие русский язык, перебрасывались с новенькой парой фраз. Шанита через вожака табора Баро объявила всем, что Рада, как теперь звали Машу, ее названная дочь и находится под ее защитой. От Шаниты она узнала, что двадцать пять лет назад Баро был мужем Шаниты, и почти десять лет они жили вместе. Именно от него она родила своего единственного сына, который вскоре умер. Потом Шанита влюбилась в русского офицера и бросила Баро, так как прежний срок их договорного бра-

ка истек год назад. Баро хоть и любил Шаниту и не хотел, чтобы она уходила, все же подчиняясь закону цыган о свободе любви, отпустил ее, позволив уйти к офицеру. Спустя год русский бросил Шаниту, и она вернулась в табор вместе с дочкой Гили. Баро принял ее обратно без упрека, и с тех пор Шанита жила одна в своей кибитке и пользовалась почетом и уважением всего табора.

Для Машеньки жизнь цыган была непривычна и казалась дикой. Живя на улице, ночуя в кибитках, довольствуясь скудной едой и простой одеждой, цыгане представлялись девушке некими безустанными и вечно гонимыми ветром дорог путниками, не имеющими ни дома, ни родины. Часто цыгане хитрили и дурачили скупщиков, продавая им втридорога лошадей, которых разводили, а иногда и ворованных. Однако они жили одной большой семьей, ели вместе у большого костра, заступались друг за друга. У Маши не было другого выбора, потому она пыталась привыкнуть к своему новому месту обитания. Она боялась вернуться под своим именем в Петербург, ибо знала, что при появлении тайная канцелярия точно не оставит ее в покое. Она понимала, что надо переждать некоторое время, чтобы все о ней забыли. И, возможно, вскоре ее жизнь наладится, и она сможет выйти из тени. Как и обещала, Шанита показала Маше общую могилу у Петропавловской крепости, и девушка около часа стояла у этой небольшой возвышенности с единственным деревянным крестом и тихо плакала, вспоминая горячо любимых ею

отца и брата. В тот день Шанита насилу увела девушку от стен крепости, а вечером напоила успокаивающими травами, оттого, что Машенька никак не переставала плакать.

Спустя несколько недель Маша невольно перезнакомилась со всеми обитателями табора, состоящего из нескольких дюжин человек, и даже пообщалась с некоторыми цыганами, которые умели говорить по-русски. Те относились к ней по-доброму и быстро приняли в свою большую семью, а по вечерам даже позволяли девушке петь у костра их протяжные и мелодичные песни, потому что у Машеньки был чудный голос. Единственной проблемой для нее стал сын вожака Баро, цыган Тагар. Видимо, сразу приглянувшись ему, она вызывала в молодом цыгане неумные страстные желания, и Тагар постоянно преследовал ее своим вниманием. Прилипчивый цыган вовсе не нравился девушке, поскольку был слишком темен лицом, коренаст, дерзок и не развит умом.

Спустя месяц, когда табор покинул окрестности Петербурга и двинулся на запад, Машенька без сожаления покинула столицу, почти смирившись со своим нынешним существованием в образе цыганки, понимая, что судьба не оставила ей выбора и она должна свыкнуться с новой, незнакомой и чуждой для нее жизнью в цыганском таборе...

Российская империя, Ревель,
цыганский табор, 1790 год, Июль

Уже вторую неделю табор стоял под Ревелем, перекочевав сюда из столицы, где начались затяжные дожди. На этой западной окраине России климат был чуть мягче, и осень наступала позже. Оттого до первых заморозков вожак цыган решил остановиться здесь, а уж к зиме табор намеревался перекочевать на южные земли империи. Сегодня у костра проходил еженедельный сбор, и все могли высказать свое мнение. Обсудив предстоящую продажу лошадей, притушив недовольство между враждующими женщинами и решив, какую провизию следует закупить для дальнего пути на юг в ближайшее время, вожак Баро обвел взором всех собравшихся и спросил:

– Кто еще хочет сказать?

– Я, отец, – выкрикнул Тагар.

– Говори, Тагар.

– Приемная дочь Шаниты, Рада, уже второй месяц живет в таборе и ничего не делает. Почему мы должны ее кормить?

– Она помогает готовить еду, к тому же она еще больна, – вмешалась Шанита.

– Не ври, она давно здорова. Вчера даже вытолкнула меня из кибитки, когда я пришел поздороваться с ней, – сказал зло и язвительно Тагар.

– Ты опять был в моей кибитке, пока меня нет? – вспыхнула Шанита, понимая, что наглый цыган, видимо, опять пытался домогаться ее малышки. – Я говорила уже, чтобы ты

не смел входить туда. Баро, запрети ему!

– Тагар, девушка звала тебя в кибитку? – спросил строго Баро.

– Нет, но что такого, если я зашел? – пробубнил Тагар.

– Нет. Это не дело. Шанита права, – сказал Баро. – Эта женская кибитка, и ты не должен входить туда без приглашения.

– Разрешения? Как же, позволит она, – пробурчал Тагар, отчетливо понимая, что отец встал на сторону Шаниты, оттого, что некогда она была его любимой женой.

– Но Тагар прав в одном. Девушка должна работать наравне со всеми молодыми цыганками табора, не дело ей есть чужой хлеб, – заявил Баро.

– Но она еще слаба и к тому же носит под сердцем дитя, – в защиту девушки сказала Шанита.

– Каков срок?

– Пятый месяц.

– Это хорошо, – кивнул Баро. – Самое то ходить ей с нашими девушками, песни петь да зубы заговаривать, чтобы деньги добыть. Велю тебе, Шанита, с завтрашнего дня начать учить ее всему, что знаешь, и через четыре дня она должна пойти с нашими девушками в город на работу.

Тагар злорадно оскалился, довольный тем, что в этом вопросе отец поддержал его.

Маша босиком шла по мокрым от вечернего дождя ули-

цам среди небольшой стайки молодых цыганок. Ее заскорузлые от грязи ноги практически не ощущали шероховатости камней, которыми была вымощена дорога. В течение двух последних месяцев девушка ходила без обуви по примеру всех женщин в таборе, потому что ее ботиночки прохудились и были порваны. Обувь была для цыган очень дорога и ее берегли. Оттого в летнее время цыганки и их дети бегали босиком. Когда же начинались первые заморозки, женщины надевали тонкие сапожки и носили их по холоду. Ступни Маши, которые раньше были очень нежными, после месяцев закалки босиком, стали грубее и теперь спокойно переносили все тяготы пути и холода.

Как и велел Баро, сегодня Маша впервые вышла в город с другими цыганками. За эти пять дней Шанита немного научила ее гадать по руке, да так, чтобы предсказания девушки были по нраву легковверным горожанам. К тому же показала несколько хитростей при помощи которых можно было добыть кошелек у зазевавшегося господина. И Маша прекрасно помнила советы цыганки. Одетая в цветастую юбку, красную кофточку и платок, покрывающий плечи, с распущенными густыми темными волосами, Маша шла среди молоденьких цыганок и почти не отличалась от них. Лишь лицо ее было немного другим. Утонченное, с синими яркими глазами, светлой кожей, даже несмотря на загар, прилипший к ней от вольной жизни на воздухе, оно невольно привлекало любопытные взоры горожан своей изысканностью и пре-

лестью.

Девушки вышли на многолюдную площадь и тут же затаили свою веселую песню, пританцовывая, прихлопывая руками, потряхивая плечами и грудью, игриво покачивая бедрами – все это было для того, чтобы привлечь внимание публики. Уже спустя несколько минут к ним приблизился некий пожилой, хорошо одетый дворянин со своим слугой и, остановившись рядом, выразил желание получить предсказание. Злата, сестра Тагара и старшая среди девушек, повелительно шепнула на ухо Маше:

– Иди, погадай ему да кошель стащить не забудь.

– Я постараюсь, – прошептала Маша боязливо, не в силах еще решиться на этот порочный поступок. Но понимая, что эта некая проверка и нельзя подвести, девушка легкой плавной походкой направилась к старому господину и улыбнулась ему. Копируя манеру общения цыган, чуть ломая русскую речь, она проворковала с акцентом:

– Ой, добрый господин, глаза ясные, сердце ласковое, дай погадаю тебе.

Дворянин как-то странно оглядел девушку и, вдруг улыбнувшись в ответ, кивнул и заявил:

– Да. Ну, так и быть погадай мне, девица, я отблагодарю тебя.

Кивнув, Маша приблизилась к нему и начала гадать ему по руке, воркуя и убаюкивая словами. Уже спустя пять минут дворянин так растрогался, с удовольствием слушая бай-

ки Маши и смотря довольными глазами в ее красивое лицо, что сделал знак слуге отойти в сторону, а сам увлек девушку в сторонку в проулок между домами. Цыганки, видя, что старый дурак клюнул, распевая песни, последовали дальше, чтобы не мешать Раде делать свое дело.

Заметив, что поблизости нет прохожих, Маша отчетливо вспомнила, чему учила ее Шанита, наклонилась к богатому дворянину и начала говорить ему на ухо комплименты, желая до конца усыпить бдительность. Старик растаял окончательно и уже спустя пару минут полез целоваться к девушке, шепча ей на ушко, что, если она пойдет с ним, он ее щедро отблагодарит. Маша, поняв, что настал нужный момент, позволила его слюнявым губам прикоснуться к своей щеке, а затем и к губам, приобняв его и открыто смеясь, как бы подбадривая. Дворянин, совсем ошалев от покладистости девушки, уже сам с силой обнял ее, а Маша осторожно просунула руку ему за пазуху и, развязав ленту, стянула кошелек с деньгами с пояса старика. Мгновенно отведя руку в бок, она спрятала кошелек, набитый золотом, в карман своей широкой цветастой юбки и, чуть отстранившись, согласилась пойти с господином. Он весь засиял и задрожал от возбуждения, но Машенька хитро заявила, что ей надобно сказать об этом своим сестрам-цыганкам. Дворянин по просьбе Маши обещал дождаться ее здесь, в укромном уголке, а девушка, приподняв юбку, быстро последовала обратно на площадь и уже спустя миг скрылась в толпе.

Довольная тем, что избавилась от неприятного богатого старика, который, видимо, и впрямь рассчитывал от нее что-то получить, Машенька, напряженно нащупывая в кармане тугой кошелек с деньгами, нервно, тяжело вздыхала, ошарашенная и удивленная тем, что у нее все получилось. Невольно поводя по щекам и губам грязной ладошкой, стараясь стереть слюнявые поцелуи старика со своей кожи, девушка следовала по площади, ища пытливым взором девушек-цыганок. Но их не было видно. Четверть часа Маша безрезультатно бродила по многолюдной площади и окрестным улицам и в какой-то момент увидела военный патруль, который проходил поблизости. Заметив ее, двое солдат и полицейский офицер изменили свой путь и свернули в ее сторону. Маша вмиг похолодела, решив, что старик-дворянин заявил на нее в полицию за то, что она украла кошелек. Испугавшись, девушка судорожно притиснулась к деревянному забору и напугалась. Когда военные приблизились, полицейский офицер, грузный пожилой военный, придиричиво оглядев Машу, обратился к ней:

– Эй, девица, погодь!

– Да? – дрожащим голосом произнесла девушка.

– Как твое имя?

Маша сглотнула горечь и невольно вымолвила свое цыганское имя:

– Рада.

– Как? Я не расслышал?

– Рада Ивори, я цыганка, – ответила громче Маша, назвав фамилию Шаниты и прямо посмотрев в глаза офицеру полиции. Она понимала, чтобы ей поверили, слова должны подтвердиться уверенным взглядом. Она глухо спросила: – Что ты хочешь от меня?

– Да уж, хотели спросить, – буркнул офицер и тоном инквизитора добавил: – Тут одна банда шныряет. Опять лавку купца на Гороховой улице ограбили, сегодня поутру. Не знаешь, кто это был?

– А мне откуда знать, господин? – ответила Маша, изображая цыганский акцент. – Наш табор стоит за городом. Я недавно сюда пришла.

Полицейский хмуро усмехнулся и переглянулся с солдатами.

– Не она вроде, – заметил один из рядовых, обращаясь к офицеру, также рассматривая Машу.

– Вижу, что не та девица, что купец описал, – кивнул полицейский и, обратившись к девушке, строго добавил: – Ладно, ступай, куда шла. Да побыстрее, а то передумаю и в каземат отведу. Знаю я вас, цыган, ворье одно!

Военные быстро пошли дальше, даже не оглянувшись на Машу. После того как патруль свернул на соседнюю улицу, она устало опустилась на корточки, прислонившись спиной к деревянным кольям забора. Прикрыв глаза, она ощущала, как сердце дико бьется от страха и боли. Мрачные, мятущиеся мысли в голове Маши твердили ей о вине перед семьей и

родом, о том, кем она была и кем стала. Ее сознание бросало обвинительные трагичные фразы: «Я предательница! Как я посмела солгать им? Как я, последняя из рода Озеровых, испугалась этих людей? Мой прадед был обласкан императором Петром за доблесть и честность, а дед был полковником Елизаветы Петровны и не боялся сражаться под пулями! Мой отец служил советником ныне здравствующей императрицы Екатерины Алексеевны, а моя мать была фрейлиной цесаревичей. Все мои предки были великими и гордыми. Они не боялись открыто называть свое имя и отвечать за свои поступки своей честью, а порою даже кровью. А я?! Я воровка, нищенка и беглая преступница. Я лишь их жалкое подобие, их тень. И теперь у меня даже нет имени...»

Горькие слезы покатались из прикрытых глаз Маши. Она знала, что должна была гордо назвать свое настоящее имя. Но это имя в эту минуту несло в себе смертельную опасность. Ибо ее могли узнать и доложить в тайную канцелярию. Но Машенька дико боялась снова попасть в тюрьму и подвергнуться смертельной опасности. Нет, она не хотела умирать или страдать в далекой Сибири. Она хотела жить, свободно дышать, смотреть на солнце, ведь она была еще так молода. Это было бы несправедливо, умереть так рано. Ей всего восемнадцать. К тому же под ее сердцем жил малыш, который так же имел право жить и родиться на свет. Но ее строгая, непреклонная совесть твердила ей, что в тот миг, когда она скрыла свое настоящее имя, она отреклась от сво-

ей семьи, от своих предков, от своих убитых родителей. Чувствуя яростное омерзение к себе, Маша задрожала всем телом от нервного озноба.

– Эй, Рада, тебе нехорошо? – раздался вдруг над ней мелодичный женский голос. Маша открыла глаза и увидела девушек-цыганок, окруживших ее. Посмотрев на черноглазую смуглую сестру Тагара, Злату, девушка тихо ответила:

– Нет. Я просто устала...

Цыганка Злата пытливо оглядела ее и заметила:

– С твоими глазами нельзя плакать. Такой яркий цвет редко увидишь. И я знаю, что эти глаза принесут тебе счастье. Я читаю это по линиям твоего лица. А я, поверь, разбираюсь в судьбах людей.

– Ты, как обычно, странно говоришь, Злата, загадками, – пролепетала Маша, доставая кошелек из кармана и протягивая его цыганке.

– Когда все сбудется, ты вспомнишь мои слова, Рада, – улыбнулась ей Злата, забирая деньги. – Вставай. Надо дальше работать, а то Баро будет недоволен.

– Хорошо, – кивнула Маша и поднялась на ноги, оправляя платок на плечах.

С врожденной грацией, ступая босыми ногами по мокрым улицам Ревеля, Машенька пошла рядом с цыганками, не оглядываясь назад. В то мгновение Мария Озерова окончательно поняла, что прошлого не вернуть и, возможно, уже никогда она не сможет назвать кому бы то ни было свое на-

стоящее имя. Потому что сейчас звучание его было равносильно смертному приговору. Но, несмотря на все перипетии своего трагичного существования и страдания от потери родных обожаемых людей, Машенька была готова бороться с небом за право жить и дышать дальше, здесь и сейчас. Пусть даже в невыносимых условиях, уготованных ей, но другого выхода судьба не предоставила ей теперь...

Российская империя, Таганрог,
1790 год, Ноябрь, 8

Едва Маша достигла цыганского табора, она чуть сбавила быстрый шаг, решив отдышаться. Прислонившись к пыльной цветной ткани стены кибитки, девушка прикрыла глаза, ощущая, как сильно колет в боку. Около пяти часов они с цыганками провели в городе, и это было для девушки тяжким испытанием, все-таки шел уже восьмой месяц беременности.

– Нагулялась? – раздался около нее грубый, недовольный мужской голос. Маша распахнула глаза и нахмурилась. Перед ней стоял Тагар. Уже давно невысокая коренастая фигура молодого цыгана с серьгой в ухе вызывала у нее чувства безразличия и неприязни. Несколько месяцев Тагар добивался Машиного расположения, хотя она постоянно отказывала ему в общении и просила оставить ее в покое. Но цыган, видимо, не собирался отступить и при малейшей возможно-

сти пытался с ней заговорить.

– Да, а что? – парировала Маша грубо, зная, что только неучтивостью можно отпугнуть наглого цыгана. Она попыталась обойти его, но Тагар встал у нее на пути. Хищно ухмыльнувшись, он обнажил гнилые зубы и проскрежетал:

– Как сходили в город?

Маша нахмурилась и холодно ответила:

– Довольно удачно. Лачи отнесла все деньги Баро.

– Мне нравится, что теперь ты стала одной из нас. Будешь меньше задирать нос! А была бы умной девкой, так на меня бы посмотрела. Чем я не хорош для тебя?

– Вы мне не нравитесь, Тагар, сколько раз можно повторять? – раздраженно сказала Маша.

– Что это ты мне выкаешь, как будто я господин какой? – ошетинился цыган. – Ты по-простому мне говори. Будешь со мной или нет?

– Нет, не буду! – произнесла Машенька нервно и сплюнула ему под ноги, как и подобало у цыган в знак крайнего раздражения.

Быстро обойдя молодого мужчину, девушка стремительно направилась к своей кибитке. Тагар уже хотел последовать за непокорной девушкой, но на пути возникла его сестра, Злата.

– Оставь ее, Тагар, ее судьба не ты! – недовольно заметила цыганка.

– Опять скажешь, что видишь судьбу? – огрызнулся Тагар

на сестру, испепеляя ее гневным взглядом.

– Да. Я вижу, что ее судьба – высокий дворянин, вельможа, а не ты! – парировала Злата, не собираясь сходить с пути брата.

– А мне все равно. Я хочу эту девку, и я ее добуду! – прогрохотал Тагар и, грубо оттолкнув сестру, направился к кибитке цыганского барона.

– Страдать будешь, да и только, – пожалала плачами Злата, смотря ему вслед.

Взобравшись в кибитку, Машенька отметила, что Шаниты нет. Устало сев на цветастое одеяло, кинутое сбоку, девушка глубоко вздохнула, положив руку на выступающий живот. В ее мыслях опять появился образ молодого красивого офицера, который когда-то обещал ей счастливое будущее. Несмотря на предательство Чемесова, Машенька до сих пор любила Григория, хотя и чувствовала неистовую обиду на него. Малыша же, живущего под сердцем, девушка уже обожала и считала, что дитя неповинно в дурных поступках своего отца.

За минувшие, тревожные и трудные для нее месяцы Маша сильно изменилась. Она стала более сдержанной, печальной, молчаливой. Словно стремительно повзрослела и вышла из того наивного юного дурмана, который присущ весьма молодым и порывистым натурам. Все драматичные события, которые уже произошли в ее жизни, преждевременная смерть родных людей, тягостные условия жизни у цыган, ежеднев-

ные мысли о туманном, тревожном будущем вместе с малышом, которого она должна была скоро родить, накладывали мрачный след на ее нежную, юную, израненную душу.

Так и сидя на одеяле, через некоторое время Маша ощутила, что боли внизу живота, мучающие ее с утра, стали более ощутимыми и менее терпимыми. Она все гадала, отчего так жутко тянет в низу живота, ибо до родов был еще целый месяц. Не понимая, что происходит, девушка неосознанно поджала ноги к животу, так боль чувствовалось меньше, и, выглядывая в окно на тряпичной стене кибитки, напряженно принялась ждать возвращения Шаниты. Цыганка пришла из соседней деревни только через час и, проворно взобравшись в свою кибитку, улыбнулась девушке.

– Вот, купила тебе новые сапожки, дочка. А то твои летние ботиночки совсем худые, – произнесла заботливо Шанита, но, увидев слезы на лице Маши, озабоченно спросила: – Что с тобой?

– Матушка, у меня живот болит. Да так сильно, что мочи нет терпеть, – пролепетала Машенька. – И я еще описалась нечаянно. Хотела убрать, а встать не могу, так больно.

Нахмурившись, Шанита проворно задрала юбку девушки и, ощупав ее живот, невольно спросила:

– И давно у тебя болит?

– С утра, матушка, – пролепетала Маша, застонав от очередного приступа.

– У тебя вышла вода, дочка. Ты рожаеть.

– Но ведь срок только в декабре, – опешила та.

– Бывает и раньше срока, – объяснила цыганка. – Ты сядь на корточки или колени, так тебе легче будет. Но между ног не дави, а то детятко помнешь.

– Я так боюсь, матушка.

– Не бойся. Я сейчас за Розой сбегая, она у всех цыганок в таборе роды принимает.

Роды были тяжелыми и долгими. Только на следующий день, ближе к обеду, Машенька разрешилась пухлым мальчиком. Все это время повитуха Роза ни на миг не оставляла девушку, говоря, что делать и какую лучше принять позу. Шанита также находилась рядом, гладила Машу по голове или держала за руку. Девушка старалась не кричать и протяжно глухо стонала при постоянных сильных спазмах, которые причиняли ей яростную боль. Около одиннадцати утра, обессиленная, едва увидев кричащего, красного от натуги младенца, Машенька откинулась без сил на подушку, ощущая, что все наконец кончилось. Роза очистила руками ее чрево от последа, но девушка этого уже не осознавала, так как дыхание еле теплилось в ней.

Потеряв много крови и сил, Маша несколько часов лежала в обморочном состоянии. Затем в течение суток Шанита отпаивала ее какой-то горькой настойкой и ласково просила:

– Пей, доченька, а то помрешь. Крови больно много было.

К вечеру следующего дня Маша почувствовала себя лучше. Едва она открыла глаза, как увидела над собой склонив-

шуюся Шаниту с голым малышом на руках, который недо-
вольно попискивал.

– Что болит, дочка? – обеспокоенно спросила цыганка,
увидев осознанный взгляд девушки.

– Почти не болит. Только живот чуть тянет.

– Это пройдет. Роза сказала, что пару дней может болеть,
потому что роды были трудными. Ты ведь еще молоденькая,
дочка, и рожать-то тебе еще рано. Надо было бы погодить па-
ру-тройку лет, все бы легче было дитя родить. Так уж ничего
не поделаешь, все уж и так случилось. – Шанита улыбнулась
и протянула младенца матери. – Вот твой сын. Покорми его.

– Но у меня нет молока, – пролепетала Маша, приподни-
маясь на локте и беря голенького мальчика из рук цыганки.

– К груди-то приложи его, – велела ласково Шанита. Цы-
ганка помогла спустить сорочку с плеча девушки, и, Маша,
положив младенца на согнутую в локте руку, осторожно при-
жала личико малыша к своей небольшой потяжелевшей от
немногочисленного молока груди. Маленький кричащий ро-
тик сам отыскав ее сосок, нетерпеливо впился розовыми губ-
ками в благоухающий сосуд матери. Ласково смотря на сы-
на, Машенька ощущала, как сердце наполняется безгранич-
ной любовью к этому маленькому созданию, которое сейчас
жадно чмокало у ее груди. На миг девушка оторвала взгляд от
ребенка и посмотрела на цыганку, которая с улыбкой взира-
ла на них.

– Я так благодарна вам, матушка. Вы столько делаете для

меня. Вот и еще одну жизнь спасли и не дали ей погибнуть. Мы с сыном не выжили бы без вас.

– Перестань, дочка, – отмахнулась Шанита. – Мне эти хлопоты в радость. Может, ты поесть хочешь?

– Да, наверное, – кивнула Маша, вновь с благоговением смотря на темноволосую голову малыша, который, уже перестав сосать молоко, прикрыв глазки, сладко спал.

– Как назовешь-то молодца? – спросила цыганка.

– Андреем. Мне всегда нравилось это имя. Так звали моего дедушку...

Глава VI. Кондитер

Москва, Ильинская улица,
1791 год, Июнь

Машенька опять была здесь, в этом городе, в котором когда-то давно, в детстве, проводила беззаботные летние месяцы в кругу семьи. В воздухе московских улиц слышались гул голосов и возгласы многочисленных прохожих, ржание лошадей, перестук колес золоченых, богато украшенных карет и крики мужиков «поберегись» с крестьянских возов и телег. Маша с интересом оглядывала знакомые места и прогулки, передвигаясь между домами. Длинная цветастая юбка, босые пыльные ноги, легкая белая кофточка, широкий красный платок, чуть волнистые темные распущенные волосы делали девушку похожей на цыганку. Она шла со Златой и Рубиной, молодыми девушками-цыганками, с которыми обычно ходила добывать деньги. Сегодня девушкам повезло – на одном из рынков за песни и зажигательные танцы им в подол кидали много серебра. Оттого они уже направлялись на окраину города, в табор, довольные и веселые, предчувствуя похвалу вожака Баро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.